

ШПИОН МАНИЯ

Сергей
ДОНСКОЙ
резидент внешней
разведки

Сергей Георгиевич Донской

Резидент внешней разведки

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=281492
Резидент внешней разведки: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-26584-8*

Аннотация

Директор крупной российской фирмы Александр Витков таинственно исчезает накануне сделки по продаже партии оружия Республике Сенегал. Служба внешней разведки, озабоченная срывом важного для России договора, отправляет в Дакар своего тайного агента Нолина. Занимаясь поисками пропавшего бизнесмена, агент неожиданно замечает, что за ним ведется весьма осторожная и профессиональная слежка. Немного времени понадобилось Нолину, чтобы вычислить идущих по его следам сотрудников ЦРУ. Значит ли это, что бизнесмена Виткова похитила американская разведка? Но не в правилах опытного агента делать скоропалительные выводы. Нолин умело обходит ловушки американцев и в то же время расставляет свои «капканы». Неожиданно он приходит к шокирующему открытию: в игре принимает участие третья сила, знакомая русскому разведчику, можно сказать, до боли...

Содержание

Пролог	4
Увидеть Дакар и не умереть	12
1	12
2	19
3	24
4	28
5	33
6	38
7	45
В почти домашней обстановке	52
1	52
2	55
3	60
4	66
5	74
В режиме поиска	80
1	80
2	83
3	90
4	93
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Сергей Донской

Резидент внешней разведки

Сюжет романа основан на реальных событиях, хотя имена большинства участников и некоторые названия, по вполне понятным причинам, изменены. Искажены также технические детали и подробности, составляющие государственную тайну. В остальном повествование соответствует действительности. В рамках, обусловленных законодательством Российской Федерации.

Пролог

За полторы недели до описываемых событий

О собственном авианосце нового поколения Сенегал мог только мечтать. О собственном военном флоте, способном противостоять сколько-нибудь серьезному противнику, тем более. У страны не было ракетных крейсеров, бронированных линкоров, эсминцев и воздушного прикрытия. Авианосец, на котором проводились учения, был российским. Взлететь с него предстояло американскому «Харриеру», приобретенному тоже в России. Истребитель был сбит над Аф-

ганистаном, продан в Туркменистан, выкуплен подставной фирмой «Цветметлом» и восстановлен на подмосковном авиазаводе специально для этого случая. Он был предназначен для одноразового использования, тогда как за штурвалом его сидел человек, созданный Творцом для жизни вечной. Летчика звали Мустафа Ньясса, он был коренным сенегальцем, убежденным мусульманином, но в Бога верил не так сильно, как ему бы хотелось сегодня. И очень сомневался, что выйдет из переделки живым, а в случае безвременной гибели попадет в райский сад, населенный любвеобильными гуриями.

Его боевая задача была проста. Взлет и полет над заданным квадратом, а также сбор соответствующей информации. Приземление на палубу «Неукротимого» не предусматривалось. Пружины аэрофишенеров ждут кого угодно, только не его.

– Хорошо меня поняли? – спросил через наушники механический голос полковника Моду Диа.

– Так точно, – доложил в микрофон Мустафа.

Это была ложь. До полного понимания было гораздо дальше, чем до берега. Вокруг расстилался Атлантический океан. Стоило Мустафе представить себе, сколько человеческих скелетов погребено на дне, как ему хотелось сорвать шлемофон, выбраться из кабины и прикинуться больным. Русские инструкторы, готовившие его к выполнению боевой задачи, утверждали, что она не опаснее любого полета над враже-

ской территорией, но это было слабым утешением.

Русские были слеплены из другого теста. Они шутя рисковали своими жизнями, а потом, собравшись вместе, обсуждали всякую ерунду, вроде игры своей любимой футбольной команды. Им было неведомо элементарное чувство самосохранения. Русские вели себя так, будто находились не на военном корабле, отовсюду контролирующемся американскими ракетами, а на палубе прогулочной яхты. Для Мустафы все они были чужими и непостижимыми, как инопланетяне.

«Неукротимый» не был одинок в синей вселенной океана. Его окружало целое авианосное соединение, рассеявшееся на многие морские мили вокруг. С палубы просматривались хищные контуры ракетных крейсеров и эскадренных миноносцев, где-то в таинственной глубине притаилась атомная подлодка, а в небе неустанно кружили зоркие вертолеты. Семидесятитысячетонный авианосец с бронированными башнями пушек был центром всего этого могучего военного механизма. А Мустафа в «Харриере» торчал посреди его палубы и чувствовал себя лягушкой, запускаемой в космос.

Его кожа и позвоночник холодели от беспрестанных прикосновений электронных щупалец, протянувшихся от множества радиолокаторов. Он не надеялся на спасательные вертолеты и дежурящие в воздухе истребители. Мустафа был один-одинешенек на плавучем аэродроме. Смерть подстерегала его даже на взлете. Стоит авианосцу чуть сбавить скорость, стоит захлебнуться трем котлотурбинным установ-

кам, и взлетная полоса окажется слишком короткой для реактивного самолета. Доли секунды, метры... Разве справедливо, что судьба человека зависит от таких пустяков?

– Пуск! – грянуло в наушниках после контрольного отсчета.

– А! – коротко и обреченно простонал Мустафа.

Колоссальная катапульта метнула «Харриер» вперед. Дико взвыл двигатель, рвущийся из металлических оков. Сорвавшись с носа авианосца, крылатый снаряд устремился в пропасть неба. Щеки Мустафы оттянуло назад невидимыми ладонями центробежной силы, его внутренности сплелись в тугую змеиный клубок, а зубы мелко застучали в такт вибрации.

– Ух-х, – выдохнул он, когда перегрузка сменилась невесомостью парения.

Страх исчез, как испарившиеся с ресниц слезы. Планета Земля превратилась в туманную полусферу, окутанную облаками. Будто в наркотической эйфории, Мустафа связался с центром управления полетами и доложил параметры взятого курса. Его слегка подкорректировали и подключили к автоматической системе спутниковой ориентации. Мустафа выполнял действия легко и свободно, как курсант-отличник за компьютерным тренажером. Ему хотелось петь. Мурлыча под нос мелодию «Лав ми тендер», Мустафа отрегулировал локатор переднего обзора. В эфире раздался характерный звук, похожий на поцелуй: это сработала на берегу автома-

тическая запросная система «свой – чужой». Электрический поцелуй ПВО был дружеским. Самолет опознали, идентифицировали вплоть до серийного номера и пропустили дальше.

Переговоры с диспетчером не мешали Мустафе наблюдать за приборами и управлять сложной техникой истребителя. Самонастраивающиеся лазерные фиксаторы удерживали «Харриер» в заданных границах воздушного коридора, а камеры панорамного и точечного обзора позволяли видеть все, что происходит впереди, сзади и по сторонам.

Сигнал опасности был беззвучным. Вроде бы ничего страшного не произошло, но круглый глаз индикатора внезапно вспыхнул желтым тигриным блеском. Это была механическая реакция на прикосновение луча локатора. Мустафа тут же завалил самолет на левое крыло, совершил разворот и взмыл свечой вверх, сбивая со следа локаторную ищейку, унюхавшую радиочастоты «Харриера». Луч соскользнул, описал плавную дугу и вновь поймал удирающую со сверхзвуковой скоростью добычу.

В кондиционируемом комбинеzone сделалось жарко, как в переносной сауне. Голос Мустафы, доложившего о произошедшем, приобрел неприятный дребезжащий тембр. Одноглазый тигр неотрывно смотрел на него, то затухая, то накаляясь до янтарной желтизны. Это означало, что противник выполняет какие-то программы.

Условный противник... Условная цель... И самая настоящая смерть, пристроившаяся за спиной взмокнувшего Муста-

фы.

Он сбросил высоту и начал разворот в обратном направлении. По инструкции это полагалось сделать не раньше, чем расстояние до локатора сократится до тридцати километров, но Мустафа запаниковал на сорока. Плевать на инструкции! Плевать на показания бортовых приборов, которые бесстрастно зафиксировали самовольный маневр пилота. Если кому-то охота играть в русскую рулетку, то пусть развлекаются на здоровье, но пусть не рассчитывают на участие Мустафы. И к черту гурий! Он хочет домой, к жене и детям.

Экран равнодушно поставил точку на бесплодных мечтаниях Мустафы. Точка двигалась, набирая скорость. Судя по размеру отражательной поверхности, она была относительно маленькой. Как и положено боевой ракете ПВО «земля—воздух».

Реальная опасность переносится легче, чем ее изматывающее ожидание. Переборов панику, Мустафа привел в действие подкрыльный контейнер. В атмосферу вылетели крохотные кусочки фольги, спешно кромсаемой автоматическими резаками. Это облако серебристой пыли, раскинувшееся позади, должно было ослепить ракету, сбить ее с курса, пустить по ложному следу. Так и случилось бы, имей «Харриер» дело с любой другой самонаводящейся ракетой, но *эту* смастерили в холодной загадочной России, и она прошла фольгу, как гвоздь, нацелившись в четырнадцатиметровый

фюзеляж истребителя. Все прочие системы защиты оказались точно такими же бессильными против летающей акулы.

Отказавшись от дальнейших маневров, Мустафа сосредоточился на экране. Дистанция между «Харриером» и пущенной в него взрывоопасной стрелой сокращалась, а электромагнитные нити, связывающие их, делались все прочнее.

– Вижу объект, вижу объект! – завопил Мустафа, нащупывая пальцами заветную кнопку. – Приступаю к катапультированию.

Ни черта он не видел на самом деле. А если видел, то зрительные нервы барахлили, отказываясь сообщать информацию мозгу. Отрешенно слушая свой затяжной вопль, Мустафа взлетел, кувыркаясь, в безбрежную синеву, провалился сквозь толщу молочного тумана и дернулся, как паяц на нитках, остановленный в воздухе куполом парашюта. Только тогда способность воспринимать окружающий мир вернулась к нему.

Задрав голову, он успел заметить какую-то тень, прорезавшую облака, услышал гром и зачем-то принялся считать обломки «Харриера», посыпавшиеся вниз. На месте взрыва образовалось туманное завихрение, обрамленное траурным обводом дыма. Под болтающимися ногами плыли прозрачные облака и их тени на шелковой глади океана. Спустя несколько томительных минут Мустафа окунулся в воду и мячиком закачался на волнах в своем самонадувном спасательном жилете.

Все позади. Он справился с поставленной задачей. Испытание русской ракеты прошло успешно для всех, включая пилота Мустафу Ньяссу. Сенегал приобретет эти смертоносные штуковины и обезопасит себя от налетов вражеских самолетов. Вооруженные силы страны превратятся в твердый орешек, который окажется не по зубам любому агрессору. Но военно-воздушный флот понес и незначительные потери. Он лишился одного из своих опытных пилотов, который бултыхался в воде и не уставал повторять себе, что этот боевой вылет был для него последним. Сразу по возвращении Мустафа намеревался подать прошение об отставке. Если завтра случится война, то она пройдет без его участия. Потому что, да видит Аллах, нервная система человека не приспособлена для подобных ужасов.

Сплюнув соленую воду, Мустафа пульнул в небо сигнальную ракету и дернул шнур дымовой шашки.

Черный шлейф, поднявшийся над океаном, заметили не только на поисковых катерах. Уничтожение самолета зафиксировали выпуклые линзы орбитального спутника, аппаратура наблюдения которого включилась, как только последовали соответствующие импульсы с земли. Засняв место крушения, спутник полетел дальше, а собранная информация – бип! – молниеносно сбросилась на компьютеры баз наблюдения.

Они были американскими, как и спутник.

Увидеть Дакар и не умереть

1

Шасси коснулись посадочной полосы, самолет просел, пружинисто подбросил пассажиров и резво покатил вдоль разметочных огней, напоминающих расстеленную на земле елочную гирлянду. Шум двигателей усилился до разбойничьего свиста, а потом начал плавно стихать, позволяя оценить плотность воздушных пробок в ушах.

«Прибыл, – подумал Нолин, судорожно сглотнул и возразил себе: – Еще не вполне».

И в самом деле, он вроде бы долетел до Дакара, но пока что не ступил на сенегальскую землю и все еще пребывал в промежуточном состоянии. Это порождало смутную тревогу. словно ты подвешен между небом и землей, между прошлым и будущим, между родиной и чужбиной. Привычное, но все равно неприятное ощущение. А тут еще уши заложило!

Заставив себя зевнуть, Нолин выбрался в проход и влился в вереницу пассажиров, семенящих к выходу из самолета. Минут десять назад он еще непринужденно болтал с семейной парой из Москвы, а теперь видел перед собой лишь равнодушные спины и не узнавал недавних попутчиков.

Из жизни вычеркнут очередной эпизод. Вряд ли он запомнится надолго. Ты куда-то спешишь, чего-то добиваешься, о чем-то переживаешь, а потом, оказывается, не можешь восстановить в памяти то, что представлялось тебе столь важным. Пребываешь в этом мире лет семьдесят, но из отрывочных воспоминаний и десятой части жизни не восстановишь. Вселенская несправедливость? Или высшая справедливость? Способен ли человек жить настоящим, если прошлые впечатления сохраняют прежнюю яркость? Детские восторги, первая любовь, потрясения, победы, обиды, разочарования... Как быть со всем этим, когда прежние переживания не теряют своей остроты?

Рассеянно гадая об этом, Нолин спустился по трапу. Ему показалось, что он видит перед собой все тот же ночной аэропорт, в котором приземлялся в прошлом году... в позапрошлом... много лет подряд. Дул теплый ветер, мерцали далекие огни, сияли прожектора, шумно всасывали воздух самолетные турбины. В ожидании автобуса люди произвольно жались друг к другу, словно ища защиты неизвестно от чего, непонятно от кого. Все как всегда.

Впрочем, имелся нюанс, позволяющий отличить Дакер-Йоф от Внукова, Шереметьева, нью-йоркского аэропорта Кеннеди, лондонского Хитроу или парижского Орли. *Zapach*. К испарениям горючего и масла примешивался густой, терпкий морской аромат. Уловив его, Нолин машинально посмотрел в темноту, словно надеясь обнаружить там не ис-

трескавшийся бетон и пыльную траву, а океанское побережье с трепещущими на ветру пальмами и шоколадными фигурками купающихся.

Атлантический океан виден не был, но он находился совсем рядом, как и легендарная Сахара, сухое дыхание которой ощущалось в ночи. Она всего лишь краешком задевала северную границу Сенегала, но пески накатывались все дальше и дальше, грозя затопить плоскую равнину. Необратимый процесс. Еще в начале прошлого столетия по сенегальской саванне бродили неисчислимые стада зебр и антилоп, а теперь пастбища превратились в безжизненную полупустыню, поросшую сухим кустарником.

И все же это была Африка! Таинственный континент, где многие из пассажиров бывали прежде лишь в детских мечтах. Сознание отказывалось верить в это. В голове не укладывалось, что невзрачный фиолетовый лоскутик на карте мира превратился в конкретную страну площадью почти двести тысяч квадратных километров. А кружок с надписью «Дакар» стал реальным городом с домами, отелями, магазинами, ресторанами и двухмиллионным населением. Столица Сенегала, надо же!

Нолин попытался проникнуться хотя бы каким-то подобием восторга и не сумел. Способность чувствовать новизну исчезает с возрастом. Детская непосредственность сменяется скучным взрослым прагматизмом.

Нолин посмотрел на мальчика, дергающего мать за руку,

чтобы привлечь ее внимание. Оба были французами. Женщина по случаю путешествия нарядилась в псевдоохотничьи оливковые бриджи, рубаху хаки с нагрудными карманами и шляпу, стилизованную под колониальный шлем. Это придавало ей своеобразный шарм, но не делало ее романтичней, чем она была до путешествия.

– Хватит, Жак, – сказала она сынишке. – У меня болит голова.

– А слоны здесь водятся? – спросил он, не отпуская ее руки.

– Наверное, – ответила мать, отступая назад, чтобы пропустить низкий желтый автобус на бесшумном ходу.

– А гиппопо? – поинтересовался мальчик.

– Кто?

– Гиппопотамы.

– А, – сообразила мать. – Думаю, что да.

– И львы? – не унимался мальчик.

– Будем надеяться, что нет.

– Почему?

– Потому что они хищники. Хочешь, чтобы тебя съели?

– Нет, – признался мальчик, заходя в автобус.

«И я, – подумал последовавший за ним Нолин. – Я тоже не хочу быть съеденным. Ни двуногими хищниками, ни четвероногими».

Он без труда понимал суть разговора, хотя его французский язык не был безупречен. Вполне достаточно, чтобы

общаться с местным населением. Государственным языком страны издавна был французский, но сенегальцы изъяснялись также по-английски и по-немецки. Это если не считать всяческих диалектов вроде волоф, иандинго, тукулер и прочей африканской тарабарщины. Разных наречий в Сенегале насчитывалось около полутора десятков, и Нолин не собирался пополнять свой словарный запас новыми экзотическими выражениями. Не намеревался он также принимать мусульманскую веру, распространенную на западе Африки шире, чем на Арабском Востоке. Его планы были куда более скромными. Нолин постарается справиться с заданием как можно скорее, после чего с чистой совестью возвратится в осеннюю Москву с ее дождевыми завесами и автомобильными заторами. В Москву, где четвероногие хищники сидят за решеткой зоопарков, а двуногие разгуливают на свободе.

– Когда я вырасту, я буду их убивать, – решил маленький француз.

– Конечно, Жак, – улыбнулась мать.

– Тогда купи мне винтовку. Увижу зверя – и банг-банг!

– Такой маленький, а такой отважный, – фальшиво восхитился какой-то темнокожий ловелас, обращаясь не столько к мальчику, сколько к его матери. – Если хотите, я могу отвезти тебя в саванну, где водятся львы и леопарды.

– Настоящие леопарды? – заверещал мальчик.

– Жак! – прикрикнула мать.

– Настоящие, – подтвердил ловелас с таким видом, словно

всю сознательную жизнь проохотился на диких зверей, а не на иностранных туристок с детьми и без. – А еще, – подмигнул он, – в саванне водятся буйволы и фламинго. Из нашей страны запрещен вывоз чучел животных, но я мог бы посодействовать. Хочешь повесить над своей кроватью голову буйвола, малыш?

– Хочу, – последовал немедленный ответ.

– Месье шутит, – одернула мать сына.

– А у кровати твоей мамы, – продолжал изобретательный месье, – можно расстелить большую шкуру леопарда.

«Ага, – мысленно согласился Нолин. – А еще лучше – шкуру белого медведя. Неубитого».

– Она, наверное, стоит безумно дорого, – прикинула мать Жака.

– Для вас – фантастические скидки, мадемуазель, – проворковал темнокожий профессионал.

– Львиная шкура лучше, – прыгал мальчик, норовя повиснуть на материнской руке. – С хвостом и с гривой! Г-г-р-р! – Его рычание было типично французским, картавым. – Когда мы поедем на сафари, мама?

Она уже достала из сумки мобильник, готовясь записать номер телефона специалиста по шкурам и их мягкому расстиланию перед легкомысленными дамочками. Нолину стало жаль маленького Жака. Сыновьям красивых мам действительно не мешало бы обзаводиться оружием в раннем возрасте. А красивым мамам следовало бы помнить, что головы

им служат не только для ношения стильных причесок и экзотических шляп.

А еще Нолин подумал, что он прибыл в Африку без оружия и поэтому должен быть вдвойне осторожен. Не имелось у него и обратного билета, поскольку дата отлета была неизвестна. Вот справится с заданием, тогда и вернется в Россию. Если, конечно, ему не помешают..

Иногда такое случается.

Автобус беспрепятственно преодолел двухсотметровую дистанцию, выгрузил пассажиров возле входа в здание аэровокзала и предоставил их в распоряжение старательно улыбающихся стюардесс. Одна была темнокожая, а другая светленькая. Обе вихляли бедрами, словно находились на подиуме. Их белоснежные зубы сверкали, как фарфоровые, а груди стояли торчком, выдавая наличие силиконовых накладок. Хором пропев «добро пожаловать», стюардессы пригласили гостей внутрь.

Двойные стеклянные двери отсекали прибывших от самолётного гула, и на мгновение Нолину почудилось, что он попал в вакуум. Наваждение рассеялось, как только зазвучало объявление о начавшейся посадке на рейс Дакар—Рим. Последовал мелодичный удар гонга, и тот же безличный женский голос предложил отправиться куда-то еще. «Там чай растёт, но мне туда не надо», – пропел Высоцкий в гудящей голове Нолина.

Он зевнул, еще не окончательно избавившись от ощущения, будто уши набиты ватой. Слух наконец обострился, а вот тревога не проходила. Она засела где-то глубоко внутри невидимой занозой, тупой и корявой. Сколько Нолин ни убеждал себя, что дурное настроение вызвано усталостью, он не верил своим аргументам. Опыт подсказывал, что плохие

предчувствия всегда оправдываются. В отличие от вспышек беспричинного оптимизма.

Пестрый поток пассажиров нес его вдоль стойки, где проверялись документы. Сюда же поступал багаж на лентах транспортера. Сумки и чемоданы словно съежились, опасаясь досмотра. Владельцы ревниво наблюдали за перемещением своих вещей. Даже Нолин, в чемодане которого не было ничего противозаконного, инстинктивно напрягся. Он не любил досмотров и проверок. Слишком часто они происходили в его жизни.

В ожидании своей очереди Нолин приготовил паспорт, в который были вложены стандартная туристическая виза на девяносто дней, заполненная каллиграфическим почерком анкета и сертификат о прививке против желтой лихорадки. Этого оказалось мало. Сперва его обязали задекларировать провозимую валюту, а потом принялись пытаться, не везет ли он ядовитые, химические или наркотические вещества.

– Только табак, – отшутился Нолин по-французски.

Глаза таможенников азартно засверкали. А известно ли господину Нолину, что провоз сигарет в количестве свыше двухсот штук облагается пошлиной? А не вздумалось ли ему случайно припрятать лишние полсотни гаванских сигар? И как насчет спиртного? Русские туристы вечно норовят провезти в Сенегал более литра крепких напитков, что категорически запрещено законодательством.

– Я фотограф-любитель, – нашелся Нолин. – Алкоголь

почти не употребляю. Иначе снимки будут двоиться и даже троиться, понимаете? Резкость не наведешь.

Эта шутка тоже не настроила таможенников на добродушный лад.

– И что же вы намереваетесь фотографировать, месье? – подозрительно осведомился кофейный африканец за стойкой.

– Достопримечательности, – пожал плечами Нолин.

– Какие именно?

Странный народ эти сенегальцы. Возомнили, что иностранцы приезжают к ним со списками исторических памятников, которые намереваются посетить. На самом деле подавляющая масса туристов понятия не имеет, чем станет заниматься в Дакаре. Нолин это знал, но он предпочел уклончивый ответ:

– Людей, природу. Флору и фауну.

– Флору? – переспросил чиновник.

Возможно, он решил, что речь идет о какой-то пышной красотке, поэтому Нолин поспешил заверить его в невинности своих намерений.

– Ну да, – подтвердил он, показывая руками нечто неопределенное. – Цветы, деревья. – Тут Нолин растопырил пальцы для наглядности. Получилось похоже на куст, но не очень. – Растения, – обобщил он, подобрав нужное слово.

– Мне отлично известно, что такое флора, – отрезал чиновник за стойкой. – А известно ли вам, что такое баобаб?

В интонации угадывался какой-то подвох.

– Дерево, – ответил насторожившийся Нолин.

– Дерево, гм!

– Да, месье. Большое, толстое дерево.

Нолину представился почему-то не баобаб, а дуб, обвитый цепями. С обязательным котом, идущим по кругу. Правда, кот был черным, под стать местному населению, а его репертуар состоял из сенегальских песен и сказок.

Воображение чиновника оказалось не столь богатым.

– Нет, месье, – торжественно заявил он. – Баобаб не дерево. Вернее, не просто дерево. Это главное дерево на земле. Наш национальный символ.

Нолину стало обидно за российский дуб.

– Я слышал, – сказал он, – что вы употребляете в пищу этот ваш символ.

Глаза чиновника округлились и увеличились до размеров шариков для пинг-понга.

– *Мы*, – с нажимом произнес он, – *мы* употребляем, верно. А вот туристам запрещается каким-либо образом вредить баобабам и даже взбираться на них. Поэтому считаю своим долгом предупредить. За порчу дерева можно угодить в тюрьму. – Чиновник многозначительно скрестил пальцы. – Помните об этом, месье.

– Уж не думаете ли вы, что я приехал сюда выкорчевывать баобабы? – буркнул Нолин.

– Достаточно будет сломать ветку.

– Обещаю не делать этого. Не трону даже листика на ваших священных деревьях. Я могу быть свободен?

– Да, месье.

По выражению лица чиновника было заметно, что он предпочел бы ответить отрицательно или хотя бы присовокупить к своему «да» что-нибудь вроде «увы» или «к сожалению».

Прежде чем отойти от стойки, Нолин наградил его лучезарной улыбкой. На то имелись причины. Не ведая о том, настырный таможенник сослужил Нолину хорошую службу. Если случится так, что придется доказывать законность пересечения границы, то затянувшаяся беседа о табачных изделиях и баобабах будет легко восстановлена в письменном виде в качестве свидетельских показаний. К тому же в глазах окружающих Нолин проявил себя легкомысленным болтуном и повесой, что должно было создать ему соответствующий имидж.

Если, конечно, за ним не наблюдали люди, которые знали о Нолине гораздо больше, чем таможенники и пассажиры. Полной уверенности в этом не было. Как обычно.

Выкатив чемодан на улицу, Нолин подивился обилию цветов, неправдоподобно ярких в электрическом свете. Они казались искусственными и такими же неживыми, как мрамор, пластик, стекло, металл и, разумеется, бетон, без которого немыслима современная архитектура. А еще на площади высился пресловутый баобаб – толстенный, здоровенный, развесистый. Позолоченные буквы на табличке утверждали, что дереву 50 лет, что оно имеет 7 метров в ширину и охраняется законом. На самом деле национальный символ охранялся всего-навсего чугунной оградкой, на которой сидели притомившиеся босоногие мальчишки в лохмотьях. Переведя дух, они поочередно взбирались на баобаб, повисали на ветках вниз головой и требовали у туристов деньги за свое нон-стоп шоу. Акробатов было не менее дюжины. Оставалось лишь понадеяться, что местные мартышки довольствуются лакомствами, а не монетами. Иначе в Африке проходу не будет от попрошайек.

Размышления Нолина оборвал мужской голос:

– Юрий Викторович?

Нолин обернулся. Да, в настоящий момент он действительно выступал в роли Юрия Викторовича и не собирался скрывать это.

– Совершенно верно, – кивнул он, – это я.

Для того чтобы посмотреть мужчине в глаза, ему пришлось задрать голову. Долговязая фигура, сверкнув стеклышками очков, предупредительно склонилась ниже. Довольно неожиданный жест для верзилы. Правда, при своем росте около ста девяноста сантиметров мужчина не походил на баскетболиста и вряд ли увлекался спортом.

– Банщиков Петр Семенович, – представился он. – Рад знакомству.

– Я тоже, – улыбнулся Нолин, протягивая руку.

Его настоящая фамилия звучала совсем иначе, встречающий тоже мог не быть Банщиковым от рождения, они не рассчитывали стать добрыми приятелями и все же не обошлись без традиционной формулы знакомства. Приятно, ах-ах, очень приятно. И после этого кто-то возьмется оспаривать расхожее утверждение о том, что весь мир – театр, а люди в нем – актеры?

– Как добрались? – спросил Банщиков, поправляя очки жестом человека, не знающего, куда девать руки и как себя вести.

– Самолетом, – ответил Нолин.

– Э-э... Устали?

– От чего?

– Ну, полет... смена часовых поясов...

Можно подумать, самочувствие московского гостя беспокоило Банщикова с самого утра или, по крайней мере, с вечера.

– Все нормально, – сухо ответил Нолин. – Спасибо за работу.

Он не испытывал ничего похожего на благодарность. Не возникло у него и симпатии к Банщикову. Чересчур рассеянный, близорукий взгляд, чересчур много порывистых движений и слишком тощая, слишком долговязая фигура, заметная издалека. Привычка сутулиться и втягивать голову в плечи не спасала положения. Нельзя сказать, что Банщиков пользовался успехом у женщин, но внимание они на него обращали. Срабатывал материнский инстинкт. Банщикова хотелось накормить, обогреть и окружить лаской. Но только не Нолину. Много разных ролей он переиграл в своей жизни, но женских среди них не попадалось. У него не просыпался материнский инстинкт. Отцовский – тоже.

– Мы так и будем стоять здесь? – грубовато спросил он.

– Ох, простите бога ради...

Банщиков наклонился к чемодану, предусмотрительно придерживая свободной рукой очки. Такие типы часто теряют очки, самообладание и вечно ставят себя в неловкое положение. Себя и окружающих.

Нолин опередил Банщикова, буркнув:

– Я сам.

– Но мне не трудно!

– Мне тоже.

Нолин бесцеремонно оттеснил Банщикова. Подобная услужливость граничила с угодливостью. Несмотря на то что

Банщиков не успел завладеть чемоданом, неприятный осадок остался. Бесплатное приложение к дурному предчувствию.

Мужчины молча пересекли площадь, пробрались между автомобилями и очутились возле выдавшего виды «Лендровера Дискавери». Джипу было лет пятнадцать, не меньше. Его некогда белоснежная окраска местами облупилась и приобрела сероватый оттенок. Установленный на массивные колеса повышенной проходимости, он смахивал на российскую «Ниву», из последних сил таскающуюся по долинам и по взгорьям.

– Взял в аренду, – пояснил Банщиков, как бы намекая, что привык ездить на автомобилях получше.

– С правом выкупа? – спросил Нолин.

Ему пришлось забираться в джип боком, поскольку справа чуть ли не вплотную стоял туристический автобус. Это не улучшало настроения.

– Такая рухлядь мне ни к чему, – сказал Банщиков, располагаясь за рулем.

– Так выбрали бы что-нибудь попрстойнее, – сказал Нолин.

– Для Африки в самый раз.

Водитель автобуса только и ждал, пока Банщиков включит зажигание. Стоило «Лендроверу» дернуться вперед, как автобус плотоядно запыхтел и преградил путь. Он двинулся дальше не раньше, чем сидящие в джипе вдосталь налю-

бовались расписным боком, величественным, как борт океанского лайнера. Выброшенная из окна банка «коки» ударила об капот.

– С правилами дорожного движения тут не ахти, – сообщил Банщиков извиняющимся тоном.

– В Москве тоже, – заверил его Нолин.

– Как она... вообще?

Не просто дурацкий, а сверхдурацкий вопрос. Так что ответ был соответствующим:

– Шумит... *вообще*. Не то чтобы цветет, но пахнет. Черт знает чем.

Наступила тягостная пауза. Обстановку взялся разряжать Банщиков.

– Давненько я не был на родине, – пожаловался он голосом провинциального трагика, разучивающего новую роль.

– А я давненько не брал в руки шашки, – сказал Нолин. – Это что-то меняет?

Банщиков тронул пальцем дужку очков:

– Вы не в восторге от командировки, верно?

– Нет. Слишком мягко сказано. – Нолин откинулся на спинку сиденья. – *Я вне себя от ярости*. Меня сорвали с места, отстранили от текущих дел, отправили к черту на кулички. И все почему?

Банщиков, вцепившийся в руль, то ли поднял плечи, то ли втянул голову.

– Потому что, – безжалостно продолжал Нолин, – в вашем

торговом представительстве, видите ли, нет соответствующих специалистов. Тогда какого дьявола вы взялись торговать оружием? Продавали бы в Сенегале тульские самовары или пряники. – Нолин саркастически фыркнул. – Полагаю, это занятие вам подходит куда больше.

– Вряд ли самовары будут пользоваться спросом в Африке, – заметил Банщиков, включая зажигание.

Его примирительная улыбка не смягчила Нолина.

– Тогда занимались бы изучением спроса на морозильные камеры, – отрезал он. – Раз не способны организовать серьезное дело. Просто в голове не укладывается. Министерство обороны берет в посредники фирму, в которой нет ни одного кадрового военного, ни одного опытного сотрудника, ни одного охранника. С какой стати?

– А вы не догадываетесь?

Нолин не *догадывался*. Он *знал* наверняка. Это-то его и добивало.

Компания «Щит и меч» выиграла тендер по одной-единственной причине. Ее тридцатилетняя учредительница приходилась родственницей замминистра обороны России. Невестка, черт бы ее побрал. Но «побрал» ее не черт-дьявол, а министерский сынок – то ли банкир, то ли финансист, а в общем-то великовозрастный шалопай и хапуга, комфортно устроившийся на папиной шее вместе со своей дражайшей половиной. Заваренную семейством кашу предстояло расхлебывать Главному управлению Внешней разведки Рос-

сийской Федерации.

В лице Нолина. *В весьма недовольном лице.*

Проигнорировав вопрос Банщикова, он предпочел задать собственный:

– Есть новости?

Банщиков вздрогнул:

– Э-э... Вы о чем?

– Вы, должно быть, воображаете, будто я прилетел, чтобы лично осведомиться о вашем драгоценном здоровье, – неприязненно произнес Нолин. – Или навести справки о самочувствии остальных сотрудников. Так вот, это заблуждение. Меня интересует совсем другое. И вы отлично знаете, что именно. А посему давайте не будем играть в испорченный телефон. Вы слышали вопрос, а я до сих пор не получил внятного ответа.

Дальнейших уточнений не потребовалось.

– Нет, – вздохнул Банщиков. – Как не явился Александр Борисович на работу в пятницу, так до сих пор ни слуху ни духу.

– Кроме полиции, его кто-нибудь искал? – спросил Нолин.

– При мне – нет.

– Какие шаги предпринимаются?

– Меня в это не посвящают, – сказал Банщиков. – Но поскольку вы здесь, то что-то делается. Надеюсь, с вашей помощью Александр Борисович все же отыщется.

Речь шла о Виткове, генеральном директоре компании

«Щит и меч». Его анкетные данные, особые приметы, привычки, грешки и достоинства надежно хранились в памяти Нолина. К этим сведениям прилагался портрет Виткова. Седая щетка волос, глубоко сидящие глаза, тонкие бесцветные губы. Рост чуть выше среднего, возраст предпенсионный, характер неуживчивый. Такие мужики коммунистической закалки не пьянствуют в командировках и не теряют голову при виде женских юбок. Трудовая книжка, паспорт и прочие документы свидетельствуют о законопослушании и благонадежности обладателя.

Не имел... не состоял... не привлекался...

Награжден... повышен в должности... направлен...

По завершении операции эта информация будет автоматически удалена за ненадобностью. Если, не приведи господь, Нолина самого не ликвидируют те, кто причастен к исчезновению Виткова.

Существуй у разведчиков обычай сочинять эпитафии погибшим сотрудникам, то псевдоним Нолина можно было бы обыгрывать до бесконечности. Например: «Вся жизнь его свелась к нолю». Или: «Его помножили на ноль».

Черный юмор? Чернее не бывает. Под стать состоянию души.

Никому неохота подтирать чужие задницы, даже если задницы эти очень и очень высокопоставленные. В сенегальском же конфузе были повинны именно они – сиятельные задницы, обосновавшиеся за стенами Кремля и вокруг оно-го.

Они со всех сторон обсели военно-промышленный комплекс России, норовя подмять его, оседлать, приспособить под собственные нужды. И, что самое противное, отирающиеся вокруг ВПК задницы принадлежали тем самым госчиновникам и ходячим прожекторам перестройки, которые еще недавно – в меру сил и возможностей – разрушали обороноспособность страны, набивая карманы пачками долларовых бумажек.

«Армия нам больше не нужна, – вещали они. – Пора упразднить этот рассадник дедовщины и неуставных отношений. От кого нам защищаться? Против каких таких врагов направлены наши ракеты?»

Ходячим рупорам гласности восторженно внимали шалопайи призывного возраста и их мамыши, уставшие обивать пороги военкоматов с подношениями и липовыми справками в руках. Из-за плеч говорливых миротворцев выглядывали серо-зеленые Франклины и Рузвельты. Армия трещала по швам и рассыпалась на ходу, как танкетка с предатель-

ски свинченными гайками. Техника ржавела, военные заводы штамповали видеоплееры и водочные пробки, генеральские «Мерседесы» заправлялись авиационным керосином, а боевые самолеты эшелонами свозили в топки.

Пока Билл Клинтон играл на саксофоне, а Бориска Ельцин отплясывал «Камаринскую», военно-промышленный комплекс превратился в общероссийский полигон, на котором безраздельно царили либеральные реформаторы всех мастей. Конверсия, конверсия, конверсия – модное словечко не сходило с их уст, газетных страниц и телевизионных экранов. Под этим термином подразумевалось разоружение побежденной втихую армии. Мечи не перековывались на орала, а попросту разрезались на куски, переплавлялись и сплавлялись за границу под видом металлолома. Младореформаторы сплавляться следом не желали. Им и на родине жилось хорошо.

Разваленный, разворованный, разграбленный и распроданный с молотка, ВПК сохранился лишь чудом. По всей вероятности, Соединенные Штаты махнули на него рукой, решив, что диверсия доведена до конца. Конверсия то бишь. Что сути дела не меняло.

К неописуемому огорчению всех врагов России, запас ее прочности превзошел все ожидания. Накапливая десятилетиями мощь и обороноспособность, она не только выстояла, но и начала стремительно набирать новые силы. Более того, военно-промышленный комплекс оказался едва ли

не единственной отраслью, обладающей высокими технологиями и развивающей их до поистине фантастических высот. Проржавевший ядерный щит сменился новым, современным, непробиваемым, эластичным. Под его прикрытием ВПК продолжал успешно развиваться и совершенствоваться, позволяя России гасить государственные долги и дополнительно зарабатывать миллиарды долларов.

И все бы хорошо, если бы не либеральные ценности, среди которых на первом месте неотъемлемое право каждого предприимчивого индивидуума обогащаться за счет общества. Навязывая России принцип непротивления капиталу, вопя о свободе предпринимательства и поощряя российских казнокрадов, Соединенные Штаты попытались возродить экономический хаос. В том числе в сфере оборонной промышленности.

Проявлялось это как вполне явно – на внешнем рынке, так и в попытках давления на военную промышленность внутри России. Средств для этого у американцев было предостаточно, и использовались они без лишней щепетильности. Так, некая штатовская компания «Nick and Corporation» через подставные фирмы скупила 37 процентов акций российского авиакосмического комплекса. После этого в космос зачастили «простые американские миллионеры», оттуда сбросили станцию «Мир», а российские ракеты стали использоваться как дешевые тягачи для вывода на орбиту шаттлов и прочих летательных аппаратов иностранного производства.

Не ограничившись этой победой, агенты ЦРУ активно собирали компромат на московских VIP-персон, связанных с экспортом оружия, дабы, упрятав неудобных за решетку, заменить их своими протеже. Заполучив ключевые посты, Америка приобретала контроль над конструкторско-технической сферой, а это позволяло дезорганизовать экспорт российского оружия и ставить палки в колеса оборонным предприятиям.

Посреднические фирмы-пираньи, кстати говоря, зачастую вскармливались и науськивались на ВПК стараниями Центрального разведывательного управления США. Российские высокопоставленные чиновники, подпускающие посредников к лакомым кускам, забывали о государственных интересах, как только перед ними выкладывалась заморская «зелень». Не менее безответственно вели себя директора военных заводов, стремящиеся к коммерческой и личной выгоде. Чтобы «протолкнуть» контракт, они пользовались услугами темных фирмочек, у руля которых обосновались мелкие проходимцы с большими связями. Компания «Щит и меч» была именно такой организацией. Если верить бумагам, то она оказывала технические, юридические, маркетинговые и консультационные услуги. На деле же свой кусок пирога фирма урывала за «решение вопросов» в коридорах власти.

Спецэкспортеры, мать их так! Числом не менее тысячи в многострадальной России. Крохотные паразиты, обладаю-

щие лишь одним искусством — высасывать соки из государства. Они готовы торговать с кем угодно, хоть даже с террористами-сепаратистами, лишь бы иметь свои проценты. Из-за их полулегальной деятельности то и дело вспыхивают политические конфликты, но бизнес превыше всего!

Бизнес? Нет, нажива. «Щит и меч»? Уместнее было бы называть проект «Баксы и шмаксы». Имени безвременно ушедшего в отставку замминистра обороны Российской Федерации.

Вот такие пироги. С дерьмовой начинкой.

Гоня тягостные мысли прочь, Нолин уставился в окно. Никаких красот африканской природы он, собственно, не наблюдал. Все пространство, за исключением шестиполосного шоссе, было залито тропическим мраком. Далекие электрические огни и близкие звезды лишь подчеркивали непроглядную черноту ночи. Ветер, врывающийся в салон джипа, был прохладным, а не знойным. Но пах он почему-то пряностями. Какими именно – не разобрать.

– Доводилось бывать в здешних краях? – поинтересовался Банщиков.

– Нет, – сказал Нолин.

Это было почти правдой. Человек по фамилии Нолин никогда не отдыхал в Сенегале, тем паче что российские акулы туристического бизнеса только-только начали осваивать западную оконечность Черного континента. А вот расположенный неподалеку Тенерифе Нолин однажды повидал, будь он неладен вместе с прочими Канарскими островами. Вместо сувенира на память он привез оттуда три ожога в области паха. Без подобных отметин не обойтись, когда тебя склоняют к откровенности посредством раскаленной пилочки для ногтей. Выручило Нолина умение останавливать сердце и не подавать признаков жизни, хотя на Тенерифе находился он не в качестве странствующего йога, а как путешествующий

бизнесмен.

Какую фамилию носил он тогда? Рошин? Галатей? Юрьев? Ярцев? Не припомнить. Не счесть числа легендам и псевдонимам разведчиков. Имя им – легион. Прошрое их – сплошной туман, будущее – тайна, покрытая мраком. Есть только настоящее. Фальшивое, как оперативная легенда, заменяющая биографию.

– Ехать еще долго? – нарушил молчание Нолин.

Изучение географических карт не слишком-то помогает ориентироваться на местности. На незнакомой местности. Пусть не откровенно враждебной, но определенно чужой.

– Минут десять, – ответил Банщиков. – Лез Аманди – идеальное место для проживания. Одновременно и фешенебельный курорт, и пригород Дакара. Лучше не сыщешь.

– Полагаю, Витков так не думает, – сказал Нолин.

Из горла Банщикова вырвался смешок.

– Меня обнадеживает ваш оптимизм, – признался он.

– С чего вы взяли, что я оптимист? – спросил Нолин.

– Но вы же шутите...

– Повторяю: у вас превратное представление о цели моего визита. Я не массовик-затейник, прибывший сюда, чтобы поднимать настроение горе-коммерсантам.

Банщиков не удержался от очередной порции похохатываний. Это звучало как хрюканье ненастроенного приемника.

– Извините, – попросил он, прикрывая рот ладонью. – Это

на нервной почве. Если Витков с документами не найдется, на нас навесят такие штрафы, обложат такими неустойками, что мало не покажется.

– Если сделка сорвется, – заметил Нолин, – то виновные штрафными санкциями не отделаются.

– Подозревают кого-то конкретно? – насторожился Банщиков.

– Всех сотрудников, без исключения.

– При чем тут мы? Лично я не нянька, не охранник и не...

– Вы исполнительный директор, – перебил Нолин. – Обычный администратор, не отвечающий за местонахождение и времяпрепровождение высшего руководства. Вам не остается ничего другого, как настаивать на этом даже тогда, когда вас возьмут в оборот на Лубянке. Оправдания вас не спасут, но лучше хоть какая-то защита, чем никакой.

Банщиков затормозил так резко, что джип развернуло наискось к обочине.

– Неужели ФСБ станет вмешиваться?

Нолин вздохнул. Наивный человек этот Банщиков. До сих пор не осознает всю степень ответственности. Дело даже не в огромных финансовых потерях, которые понесут бизнесмены и государство в том случае, если не найдется Витков с бумагами. Проблема куда серьезнее.

В начале года Россия и Сенегал подписали государственное соглашение о военно-техническом сотрудничестве, предусматривающее не только закупки всевозможной воен-

ной техники, но и обмен опытом в сфере так называемой борьбы с международными террористами. Что необходимо государству, чтобы противостоять этим зловредным созданиям, бросающим вызов прогрессивному человечеству? Правительство Сенегала знало точно. Угрозе международного терроризма необходимо противопоставить танки Т-80У с мощными радиолокационными станциями и БМП-3 с противотанковыми ракетами «Бастион». А еще хорошо бы припугнуть обнаглевших Бен Ладенов зенитными ракетными комплексами С-300, способными сбивать воздушные цели на высоте от 25 метров до 25 километров, причем даже если террористы совершат налет сразу шестью самолетами, то на каждый придется по две ракеты.

Правда, обеспечивая свою безопасность установками ЗРК, Сенегал автоматически становился самым сильным государством в регионе, поскольку соседи, оснащенные хваленными американскими «Пэтриотами», моментально проигрывали гонку вооружений. Легко было предугадать, что в ближайшем будущем они тоже постараются обзавестись российскими С-300, а это – прямой удар по военно-промышленному лобби США.

Проведав о сделке, американцы всполошились. Был снят с должности военный атташе, не разобравшийся в ситуации. Назначенный на его должность новичок развил бурную деятельность, но было поздно. Соглашение между Россией и Сенегалом заверялось автографами глав МИДов обеих стран,

что подтверждало серьезность намерений. На первом этапе Сенегал рассчитывал приобрести оружия на полторы сотни миллионов долларов, однако в перспективе маячили десятизначные числа. А это означало решительное вытеснение Пентагона из региона. Что не могли не понимать американцы. С чем не захотели примириться.

В сложившейся ситуации самым сильным ответным ходом являлся срыв сделки, и она была сорвана. Коммерсанты, которым дали возможность неплохо подзаработать на посредничестве, оказались слабым звеном в цепочке. Убрав Виткова, противник не только получил значительную фору во времени, но и весомые аргументы для того, чтобы перехватить заказ. Пока в российском Министерстве обороны охали, ахали, искали крайних и грозили покарать виновных, американцы наседали на госчиновников Сенегала, убеждая их отказаться от сделки со столь ненадежным партнером, как Россия. В ход пошли взятки, посулы, политические преференции, откровенный шантаж и замаскированные угрозы.

Результат не замедлил сказаться. Чернокожие государственные мужи, ответственные за закупку оружия, исчезли из своих кабинетов – кто в отпуск, кто в командировку, а кто и на больничную койку. Некому стало рассматривать и подписывать восстановленные контракты с кипами технических приложений. Готовые к отправке танки, ракеты и автоматы застыли мертвым грузом в Новороссийском порту. Форс-мажор, будь он неладен. И никаких мажорных отголосков на-

верху. Сплошной минор.

Для того чтобы реабилитироваться в глазах африканских партнеров, мало было найти Виткова с документами. Требовалось предоставить убедительные доказательства того, что имела место грязная игра, недопустимая на высоком межгосударственном уровне. *Со стороны американцев.* Доброжелательных, улыбчивых, миролюбивых американцев, пекущихся о правах и свободах человечества. Беда в том, что человечество в их понимании поголовно англоязычное, с паспортами граждан Соединенных Штатов Америки. Остальные – дикари и варвары, проживающие в странах, которые полезно подвергать точечному бомбометанию.

Нолин не пылал ненавистью к американцам. Его отношение к ним было холодным, бесстрастным и настороженным. Точно так же он воспринимал бы соседство удава, переваривающего очередную жертву. Заеваешься – проглотит. Пойдешь на сближение – задушит в объятиях. Поверишь обманчивому благодущию чудища – тебе крышка.

Нолин не верил американцам. Во всяком случае тем, с которыми сталкивался, – а это всегда были парни из ЦРУ, куда более опасные и коварные, чем самые кровожадные рептилии. В который раз они оставили русских с носом, снисходительно посмеиваясь в стороне с выставленными средними пальцами, мол, фак ю, рашн френдз, бай-бай.

Не рано ли торжествуете победу, ребята?

Шансов взять реванш было маловато, однако они все же

оставались, эти мизерные шансы.

Американцы сработали грубо, а в большой политике недопустима игра без правил. Существует масса условностей, неписаных законов и традиций, несоблюдение которых грозит всеобщим бойкотом. Например, каждому известно, что работники иностранных посольств выполняют те или иные шпионские функции, однако выдворяют и тем паче арестовывают их лишь тогда, когда они пользуются недозволенными методами. Силловые акции недопустимы. Когда разведчики и контрразведчики идут ва-банк, они непременно используют подставных лиц, дабы не бросить тень на свое государство.

Скорее всего, Виткова устранили чужими руками. Но времени для подготовки операции у ЦРУ было в обрез, так что в разведуправлении России надеялись использовать неизбежные при подобной спешке промахи. Там полностью положились на профессиональное чутье Нолина. Чему, по правде говоря, он был не шибко рад.

По своей натуре Нолин был домоседом, хотя путешествовать ему приходилось почти так же часто, как международному журналисту или опальному олигарху. Он неоднократно бывал в Северной Африке и, лишенный каких-либо романтических устремлений, не испытывал ничего похожего на восторг. Глядя из джипа на вереницу отелей, протянувшихся вдоль пляжа Лез Амади, Нолин сохранял полное равнодушие. Рассказы Банщикова о прелестях местной кухни не вызывали у него ни аппетита, ни желания немедленно поужинать в одном из многочисленных ресторанов.

Столик под покровом пальмовых листьев? Что из того? И разве меняется вкус пищи от того, что подают ее не на тарелках, а на специальных досках с выдолбленными углублениями? Нолин очень сомневался, что ему придется по душе соус из кокосового молока или слоновья нога, запеченная в листьях сагового дерева. Ему не хотелось довольствоваться кукурузными лепешками вместо хлеба. Он не был голоден. Он был просто раздраженным и усталым, чего не учитывал разговорившийся Банщикова. О чем тому вскоре пришлось пожалеть.

Не дожидаясь завершения увлекательнейшей истории о достоинствах африканской ухи, Нолин сухо произнес:

– Все это безумно интересно, Петр Семенович. А не по-

пробовать ли вам себя в качестве ведущего какого-нибудь кулинарного шоу? Вы могли бы также рекламировать сок баобаба.

– Я только хотел... – начал было смутившийся Банщиков.

– Ознакомить меня с особенностями местного колорита, понимаю, – кивнул Нолин. – Теперь мне известно, что плоды баобаба напоминают шиповник, а сок из них рубинового цвета. Крайне важная информация. И абсолютно бесполезная. Я предпочел бы получить сведения о быте и связях Виткова. Вы бывали в его комнате?

– Разумеется. – Банщиков привычно поправил очки. – Александр Борисович жил в том же частном отеле, где разместились все мы. Пару раз он приглашал меня к себе. – Решив, что последняя фраза может быть истолкована превратно, Банщиков поспешил добавить: – По делу.

– Я понимаю, что не для танцев, – успокоил его Нолин. – По моим сведениям, Витков жил один...

– Как перст. И содержал комнату в идеальном порядке. Ну вы сами увидите. Мы ведь поселили вас в нашем пансионе. Я решил, что там вам будет удобнее всего.

– Правильно, – коротко ответил Нолин.

Банщиков облегченно вздохнул. Автомобильный двигатель заработал увереннее. Проехав по тихой улочке с виллами в колониальном стиле, джип остановился на небольшой площадке, обсаженной зеленью. Не торопясь выбраться наружу, Нолин огляделся по сторонам и спросил:

– Скажите, вы сами пытались отыскать Виткова?

– Пытались, – подтвердил Банщикков. – В пятницу утром, когда он не появился в офисе, я решил, что он приболел. Но телефон не отвечал, и тогда мы начали беспокоиться. Обратились в посольство и в полицию.

– Что полиция?

– Задали несколько вопросов, походили с умным видом по комнате Виткова, а потом уехали, пообещав разобраться. По сей день разбираются.

«Естественно, – подумал Нолин. – Если к похищению причастно ЦРУ, то сенегальские блюстители порядка получили хорошее вознаграждение за затягивание следствия. И они постараются осложнить мои неофициальные поиски. Конечно, при условии, что Витков не упился баобабовым пивом, не получил разрыв сердца в объятиях африканской любовницы и не свалился в ловушку для носорогов».

– У Александра Борисовича имелись неделовые контакты? – поинтересовался Нолин.

– Личного характера? – уточнил Банщикков.

– Да, личного... Знакомства, связи?

– Нет. Он общался только с сотрудниками.

– А после работы? – спросил Нолин, неспешно прикуривая сигарету. – Вне пансиона? Витков посещал ночные клубы, казино, бордели?

– Александра Викторовича даже в сауне невозможно представить, не то что в борделе!

– Может быть, он приглашал к себе посторонних?

– Ничего подобного, – покачал головой Банщиков. – Не тот возраст, не тот характер. Витков – педант. Один из тех, кто никогда никуда не опаздывает и может устроить разнос за чаепитие на рабочем месте. Любви сотрудников это ему не приносило, но все его уважали. Я – в том числе.

– Вы его хорошо знали?

– Мы часто общались. По работе.

– *Возможно*, – произнес Нолин и умолк, ожидая реакции Банщикова.

Тот подпрыгнул на месте:

– Вы мне не верите?

– С какой стати?

– Вы же сами сказали: возможно.

– Ах это... – Нолин улыбнулся. – Просто вы меня перебили. Я хотел сказать, что, возможно, мне понадобятся более подробные сведения о характере Виткова. Вы смогли бы нарисовать его психологический портрет?

– Сейчас?

– Нет, как-нибудь в другой раз.

– Всегда к вашим услугам, – отозвался Банщиков, неуклюже выбираясь из джипа. – Чудесная ночь, – сказал он, шумно вдыхая и выдыхая носом.

Решил насладиться свежим воздухом? Хмыкнув, Нолин присоединился к Банщикову. Выражение его лица было сонным. Никто бы не заподозрил, что этот человек опасается

какого-то подвоха или даже предательского выстрела. Например, из припаркованного поодаль микроавтобуса. Нолин привычно запомнил его номер. Бесполезная мера предосторожности против пули снайпера.

– Красиво, – пробормотал он, игнорируя синий микроавтобус.

– Над Москвой такого неба не увидишь, – мечтательно произнес Банщиков.

Нолин поднял взгляд. Над черными кронами деревьев угадывалось электрическое зарево огней Дакара. За постриженными кустарниками и оградами виднелись ярко освещенные террасы. Там и сям вспыхивали искрами ночные насекомые. Выводили трескучие трели цикады, не попадая в тональность мелодии, доносящейся из темноты. Это было что-то восточное. Скучное и размеренное, как жизнь, проведенная в ленивом созерцании.

– Уютный квартал, – произнес Нолин, делая вид, что хочет как-то компенсировать свою недавнюю резкость.

– Еще бы, – воскликнул Банщиков с таким видом, будто приложил руку к местной архитектуре. – Вам нравится?

– Вполне.

– Будете устраиваться?

– Почему нет?

– Тогда по местам. Нужно проехать еще метров сто.

– Зачем же мы остановились? – прищурился Нолин.

Банщиков пожал плечами:

– Я хотел дать вам возможность сориентироваться на местности.

«А может, – мысленно возразил Нолин, – дело обстоит иначе? Может, ты, Петр Семенович, решил показать меня кому-нибудь, пожелавшему сохранить инкогнито?»

Зелень если и скрывала в своей гуще притаившегося наблюдателя, то не выдавала этого ни малейшим шорохом, ни единым движением. Нолин не стал вглядываться в темноту. Ничего не возразив Банщикову, он вернулся на место.

Фыркнув, джип выехал с площадки и через несколько секунд остановился перед воротами в высокой каменной ограде, подернутой зеленью моха. За коваными завитушками просматривалась аллея, ведущая к зданию. Нолин перевел глаза на табличку. Название у пансиона было вычурное: «Ebony and Ivory» – «Черное дерево и слоновая кость». Признак тщеславия и дурного вкуса.

– Вот мы и прибыли, – бодро провозгласил Банщиков.

Не дождавшись ответной реплики, он нажал на клаксон. Над воротами вспыхнула яркая галогенная лампа. Нолин заметил вмонтированную в ограду видеокамеру. Их рассматривали – рассматривали неспешно и внимательно, как микробов под микроскопом. В пансионе, где недавно исчез постоялец, с опаской относились к ночным гостям. А может, к любым гостям относились подозрительно.

Ворота не открывались.

– Здесь всегда так строго? – спросил Нолин.

– Вас ведь пока не знают, – стал оправдываться Банщикова.

Гм? Узнают, так вообще перестанут пускать? Нолин сдержанно усмехнулся. За воротами появился невысокий темнокожий толстяк в феске. Кивнув Банщикову, он открыл замок и распахнул металлические створки.

– Прошу, месье, – произнес он по-французски.

Феска делала его похожим на повара. На толстого флегматичного повара, который моментально преобразается, как только в его руках оказывается острый разделочный нож.

Нолин приветливо улыбнулся привратнику, но ответной улыбки не удостоился.

Джип вкатился на территорию пансиона и, хрустя песком, поехал по дороге между высокими кустами. Зелено-голубые цветы флуоресцировали в свете фар, как гнилушки. Главное, самому однажды не засветиться подобным образом, подумал Нолин. Сердце в очередной раз сжалось от тревоги. Уже почти привычное ощущение.

В почти домашней обстановке

1

Поодаль от входа в здание стояло штук семь автомобилей разных форм, расцветок и марок. Сотрудники «Щита и меча» зарабатывали достаточно, чтобы пользоваться услугами прокатных контор. А вот для некоторых разведчиков это непозволительная роскошь. Несправедливо. Банщиков даже не догадывался, что справедливость будет восстановлена за его счет.

Отыскав свободное место, он вклинил туда джип.

– Идемте, – пригласил он Нолина. – Багаж отнесет Кабир. Не спорьте. Вы ведь солидный постоялец, не так ли? – Банщиков понизил голос. – Все расходы за счет фирмы. Включая чаевые.

Нолин решил не протестовать. Командировочные ему выдали весьма скудные. К тому же кому платить, как не проигравшему. Компания «Щит и меч» еще долго будет искупать свою вину.

– Заберешь чемодан, – распорядился Банщиков.

Кабир молча поклонился. Его феска при ближайшем рассмотрении оказалась желтой и больше не напоминала поварской колпак, да и ножа при нем не было. Но Нолин смотрел

не на слугу. Его интересовал Банщикова, разительно переменявшийся с того момента, как очутился на территории пансиона. Тут он явно чувствовал себя как рыба в воде, даже сутулиться и суетиться перестал. Какая же из этих его натур истинная? Первая? Или вторая?

– Прошу, – Банщикова сделал галантный жест.

Прежде чем последовать за ним, Нолин взглянул на дом, где ему предстояло поселиться на неопределенное время. Это было старинное трехэтажное здание с декоративными колоннами, холлом, балкончиками и жалюзи на освещенных окнах. Стиль начала прошлого века. Никаких средневековых башен и толстых стен с тайными ходами. Из такого дома человека незаметно не похитишь. Во всяком случае, живого человека, способного кричать и сопротивляться.

– Прошу, – повторил Банщикова, отворяя дверь.

Поблагодарив его кивком, Нолин перешагнул порог.

Обстановка внутри была не шикарная, но вполне современная. В небольшом холле умещались два кресла, журнальный столик и регистрационная стойка с телефоном. Лестница на верхние этажи размещалась прямо за ней. Слева Нолин увидел приоткрытую дверь в столовую, а дверь справа была закрыта. Табличка оповещала, что там находится комната для персонала. Кабир постучался, и через мгновение в холле появилась черноглазая женщина лет тридцати. Прическа средневекового пажа придавала ей неповторимое очарование, но миловидность лица портили чересчур густые бро-

ви, которые явно срослись бы на переносице, если бы обладательница не занималась их регулярным выщипыванием. Возможно, она как раз приводила брови в порядок за закрытой дверью. Вид у нее был слегка смущенный.

– Добро пожаловать, – сказала она по-русски. – Очень рада.

Француженка, решил Нолин. Потомственная эмигрантка в четвертом колене. В ее спальне наверняка хранится бархатный альбом с выцветшими фотографиями бабушек и дедушек в старинных нарядах. Эполеты, кринолины, вуали и лихо закрученные усы. Рассматривая пожелтевшие снимки, дама воображает себя светской львицей. Ее заветная мечта – получить в собственность какое-нибудь дворянское имение или свечной заводик в средней полосе России. В общем, все то, что отняли у ее предков проклятые большевики. Что именно дама носит на цепочке, определить невозможно, но это вполне может быть не католический, а православный крестик, снимаемый во время супружеских утех. Выпив шампанского, дама непременно расскажет, что ее предки качали на коленях маленького Деникина, были лично знакомы с фрейлиной государыни императрицы и писали об этом мемуары, издававшиеся в Париже. Тиражом эдак в триста экземпляров.

Банщиков витиевато представил даме Нолина, который едва удержался от гусарского полупоклона или пристукивания каблуками.

– Вы из Москвы? – улыбнулась она.

– Прямым из Белокаменной, – подтвердил Нолин. – Вы прекрасно говорите по-русски.

– Моя прабабушка родом из Киева, – просияла дама.

В воображении Нолина маленький Деникин сменился маленьким Петлюрой. Он улыбнулся:

– Теперь я понимаю, почему мои коллеги облюбовали именно ваш пансион.

– О да, месье. Для нас, русских, очень важны корни.

Несмотря на события последних лет, для дамы Киев так и остался матерью городов русских.

– Лично для меня вершки важнее корешков, – возразил Нолин.

Пошлая, почти скабрезная шутка. В полном соответствии с тем впечатлением, которое он хотел произвести.

– Простите, месье? – дама картинно подняла свои дивные брови.

– Главное всегда лежит на поверхности, – развил мысль Нолин. – Почти всегда. – Он скользнул взглядом по платью собеседницы.

– Юрий Викторович сделал вам комплимент, – счел нужным вмешаться Банщиков. – Игра слов. – Он пошевелил пальцами, изображая нечто неопределенное.

– К сожалению, – произнесла дама, – я не умею играть... словами.

Сделанная ею пауза могла означать что угодно. А могла и ничего не означать.

– Если вы захотите попрактиковаться в русском языке, – сказал Нолин, – я к вашим услугам.

– Вы слишком любезны.

Судя по интонации, дама подразумевала совершенно противоположное. *Вы чересчур нахальны.*

– Моя слабость, – развел руками Нолин. – Всегда любезничаю с хорошенькими женщинами, даже если они не отвечают мне взаимностью.

– Надеюсь, попадаются такие, которые отвечают.

– Поэтому-то я и стараюсь, мадемуазель.

– Мадам, с вашего позволения.

– Заметано, – сказал Нолин.

– Вы военный? – спросила дама.

– Я похож на военного?

– Нет. Но шутки у вас казарменные.

– Доводилось бывать в казармах?

Дама открыла рот, но так и не нашлась с достойным ответом.

– Юрий Викторович! – вмешался Банщиков. – Мы отры-

ваем нашу хозяйку от дел. Да и вам не мешало бы отдохнуть с дороги.

– Конечно, – согласился Нолин. – Прошу извинить меня за излишнюю бесцеремонность, мадам. Мне не хотелось бы показаться вам грубияном.

– Ничьего, – процедила дама.

Она не скрывала, что чувствует себя если не оскорбленной, то задетой за живое. К этому Нолин и стремился. Флирт, он как рыбалка. Не зацепишь – не поймаешь. А то, что крючок острый, не беда. На этом и строится принцип «зацепки».

Среди множества полезных дисциплин, которым обучали Нолина в академии, было и искусство соблазнения. Без умения обаять и склонить на свою сторону женщину разведчику – никуда. Они ведь чьи-то секретарши, сотрудники, дочери, жены, сестры. Не менее трети полезных сведений добывается через женщин, поскольку они легко поддаются внушению, болтливы и эмоциональны.

Хозяйка пансиона могла знать о Виткове нечто такое, что не выяснишь у его сотрудников. Так почему бы не использовать ее в своих целях?

Нолин грубил, потому что интересных женщин не проймешь одной только лестью и комплиментами. Они и без того выслушивают их по несколько раз на дню. У них выработался иммунитет – своеобразный блок защиты, который автоматически ставится при приближении очередного ухажера. А Нолин зацепил дамочку, не позволил ей заслониться

щитом общих фраз. Это был коварный и неотразимый удар ниже пояса. Затрагиваешь самолюбие – порождаешь любопытство. Остальное – дело техники.

Главное, действовать уверенно. Ведь на самом деле женщины только и ждут, чтобы их подчиняли, укрощали, соблазняли. Для чего еще они красятся, наряжаются, посещают фитнес-центры и парикмахерские? Для кого отрабатывают взгляды, позы и улыбки? Все правильно: для мужчин. Им прощается нахальство и бесцеремонность, но только не равнодушие. На этой особенности женской психологии и строилась техника, примененная Нолиным.

– Значит, вы берете меня к себе? – спросил он, доставая паспорт.

Вопрос прозвучал провокационно, но дама и глазом не моргнула.

– Коньечно. – Ее акцент значительно усилился. – Но регистрацию отложим на завтра. А сейчас я покажю вам вашу комнату, месье. Между прочим, меня зовут Марго.

Она посмотрела на Нолина, словно ожидая, что он сподобится на заурядный комплимент. Например, помянет знаменитую тещу-королеву. Или предположит, что булгаковская Маргарита была родом из Киева. Нолин предоставленной возможностью не воспользовался. Женщины и кошки любят, когда их гладят, но в глубине души презирают тех, кто делает это чересчур охотно и часто.

Нолину случалось ласкать тех и других. К кошкам он от-

носился отрицательно, а с женщинами держался начеку. Это позволяло вовремя уклоняться от острых коготков.

Они поднялись по лестнице, стараясь не слишком топтать ногами. Марго, демонстрируя идеальную линию спины, шла впереди, а мужчины двигались следом. Их взоры были целомудренно потуплены. Спина Марго плавно переходила в ягодицы, а их мерное перекачивание под платьем вызывало не те эмоции, которые описываются в дамских романах. Преодолевая последний лестничный пролет, Банщиков взялся протирать очки, споткнулся и чуть не упал.

– Осторожнее, – предупредила Марго, не обернувшись. – Ступени крутые, тут недолго и ногу сломать.

– Или даже потерять голову, – сказал Нолин.

– Это было бы ужасно. – Добравшись до верхней площадки, Марго повернулась лицом к спутникам и подбоченилась, как манекенщица на подиуме. – Ни за что на свете не стала бы иметь дело с безголовым мужчиной.

Нолин сделал намек на улыбку, давая понять, что принял сказанное к сведению. Поскольку у него имелась голова на плечах, Марго *стала бы иметь с ним дело*. Это было завуалированное предложение не упускать свой шанс.

Комната Нолина находилась на втором этаже, она оказалась чистой и опрятной. Золотистые обои, подобранные в тон шторы, дорогой, хотя и слегка вытертый, ковер. Покрывало на кровати было загнуто уголком, приглашая ночного

гостя предаться заслуженному отдыху. Поскольку укладываться спать при посторонних Нолин не спешил, ему пришлось заглянуть сперва в ванную комнату, а потом – на кукольный балкончик, где с трудом разместились бы два человека.

– Здорово, – сказал он. – Хотя никто мне этого не пожелал, но я уже чувствую себя здесь как дома.

«...дома у чужого и совершенно незнакомого человека», – промелькнуло в мозгу дополнение. Вслух оно высказано не было.

– Тогда располагайтесь, – благосклонно улыбнулась Марго. – Желаю приятного отдыха.

– Покой нам только снится, – сострил Баншиков.

– Мы с Петром Семеновичем коллеги, – сказал Нолин, беря его за локоть. – И мы очень волнуемся о нашем пропавшем директоре. Вы не будете возражать, если Петр Семенович покажет мне апартаменты Виткова?

– Надеюсь, вы не частный сыщик? – выгнула бровь Марго.

– Всего лишь бизнесмен, – ответил Нолин. – Учредители компании поручили мне исполнять обязанности Виткова. Но мы все не теряем надежды найти его.

– Да, – подтвердил Баншиков.

– Что ж, ищите. – Марго сделала кислую мину, свидетельствующую о том, что она не верит в справедливость утверждения «кто ищет, тот всегда найдет».

Согласно официальной версии, хозяйка пансиона не име-

ла никакого отношения к исчезновению постояльца. Именно поэтому Нолин произнес:

– Знаете, мадам Марго, в таких делах любые мелочи важны. Понимаю, что это кажется вам бестактным, но...

– Но? – нетерпеливо спросила она.

– Вдруг в комнате остались какие-нибудь следы... – Нолин понизил голос, – ...следы борьбы или еще чего-нибудь экстраординарного.

– В моем пансионе никто ни с кем не борется, – отчеканила Марго. – Никогда. И никаких следов вы здесь не обнаружите. Во-первых, у нас проводятся ежедневные и весьма тщательные уборки.

– Это точно, – подтвердил Банщикков. – Убирают здесь хорошо.

Марго удостоила его благодарной улыбки.

– Во-вторых, – продолжала она, – месье Витков пропал не в пансионе. В последний раз я видела его в четверг вечером.

– Где? – спросил Нолин.

– Он садился в машину, беседуя с кем-то по телефону. – Для наглядности Марго поднесла растопыренные пальцы к губам и уху. – По-моему, разговор велся на повышенных тонах. – Она нахмурилась. – Больше я его не встречала.

– Иными словами, он уехал и не вернулся, – уточнил Нолин.

– Выходит, так.

– Скучно, наверное, всю ночь торчать в холле?

Это была не просто подначка. Нолин хотел докопаться до истины. Отъезд Виткова еще не свидетельствовал о том, что он не возвратился в пансион после полуночи или вообще под утро. В таком случае кто-то должен был его увидеть. Судя по видеокамере на воротах, доступ в пансион контролировался.

– Кто вам сказал, что по ночам я торчу в холле? – надменно произнесла Марго. – Я еще достаточно молода, чтобы иметь более интересные развлечения. Ночь с четверга на пятницу я провела в Дакаре. Приехала домой на рассвете. Вас это удивляет?

– Нет, – сказал Нолин. – Не удивляет, не огорчает и не шокирует.

– Допрос закончен?

– Это всего лишь милая беседа, а не допрос.

– Считайте, что я вам поверила.

– Взаимно, – парировал Нолин.

– Если вы мне не верите, то зачем спрашиваете? – осведомилась Марго.

– Пытаюсь выяснить истину.

– Все, что я знаю, я вам сообщила.

– Тогда, может быть, вы позволите мне поговорить с прислугой? – ослабил напор Нолин.

– Не думаю, что Кабир сообщит вам что-то новое, – покачала головой Марго. – Ни он, ни Жасмина не имеют привычки следить за постояльцами. У нас приличное заведение.

– Жасмина? Необычное имя.

– Она в основном хозяйничает на кухне, – вставил Банщиков.

Марго поджала губы, давая понять, что собственное имя представляется ей куда более красивым.

– А Кабир дежурит у ворот, – пробормотал Нолин.

– Пригласить его? – спросила Марго.

Лгала ли она или говорила правду, но в ее поведении сквозила уверенность человека, понимающего, что уличить ее в неискренности невозможно. Нолин решил переговорить с Жасминой и Кабиром позже. Не всегда разумно брать быка за рога. Иногда выгоднее затаиться, чтобы усыпить чью-то бдительность.

– В другой раз, – сказал он. – Сперва осмотрю комнату Виткова.

В глазах Марго промелькнуло странное выражение, идентифицировать которое не удалось.

– Пожалуйста, – произнесла она без энтузиазма. – Мне нечего скрывать.

– Всем есть что скрывать, – перешел на фривольный тон Нолин. – Иначе мы не носили бы одежду.

Банщиков издал короткий смешок и осекся. Это походило на возглас случайно оступившегося человека. Марго внимательно посмотрела на него и перевела взгляд на Нолина.

– Счастливо оставаться, – процедила она и покинула комнату.

Ее спина выражала холодное достоинство и не менее хо-

лодное презрение. Надо полагать, Нолин чем-то разочаровал хозяйку пансиона. Вопрос времени. Существует масса способов зарекомендовать себя лучше, чем ты есть на самом деле. Или значительно хуже. Было бы желание.

Комната Виткова располагалась на верхнем этаже. За дверью под номером 32. Пока Банщиков ходил за ключом, Нолин внимательно осмотрел ее и даже пощупал. Ничего примечательного он не обнаружил, да и не надеялся обнаружить. Дверь как дверь, петли без царапин и повреждений, замок и ручка в полной исправности. Никаких следов взлома. Вообще никаких следов. И вряд ли улики появятся. Если Виткова брали в пансионе, то в распоряжении у злоумышленников имелись почти сутки, чтобы прибрать за собой. Потом в комнату запустили Жасмину с тряпкой и пылесосом, потом на смену ей явился табун полицейских. Тут и самому Шерлоку Холмсу не за что уцепиться.

Элементарно, Ватсон.

Нолин отошел от двери и заложил руки за спину. В коридоре появилась долговязая фигура Банщикова, победоносно поднявшего ключ. Можно подумать, он завладел им в отчаянной схватке с обслуживающим персоналом «Эбони энд Айвори». И можно подумать, ключи от комнат пансионата существуют в единственном экземпляре.

Нолину страстно захотелось вернуться к себе, принять душ и завалиться спать. Какой смысл в этом дилетантском расследовании? Он разведчик, а не ищейка. Обычный разведчик, ограниченный весьма узкими рамками компетенции

и полномочий. Голодный, сонный и злой.

Банщиков, уловив состояние Нолина, не стал тратить время на разговоры, а просто открыл дверь. Темнота обдала вошедших теплом застоявшегося воздуха. Пока Нолин шарил по стене в поисках выключателя, Банщиков распахнул дверь на карликовый балкон и замер там, дожидаясь инструкций. Вспыхнувший свет заставил его подслеповато зажмуриться.

Нолин прошелся по комнате, оказавшейся раза в полтора больше его собственной. Аккуратно заправленная кровать, стопка газет и журналов, массивная зажигалка, распечатанная пачка облегченного «Кента» на тумбочке. Приблизившись к письменному столу, Нолин поочередно открыл выдвижные ящики. Нижние были пусты, а в верхнем хранились ксерокопии документов Виткова, конверты и писчая бумага.

– У Виткова был ноутбук? – спросил Нолин.

– А как же! – откликнулся Банщиков.

– Разумеется, пропал?

– Пропал.

Вздохнув, Нолин занялся стенным шкафом, поворошил для проформы белье, рубашки, пакеты с носками. Карманы брюк и костюмов были пусты. В точности как голова Нолина.

Захлопнув шкаф, он снова прошелся по комнате, ощущая на себе пристальный взгляд Банщикова. Если не считать их двоих да ночных бабочек, порхающих по комнате, то остальные обитатели пансиона мирно почивали, нимало не беспокоясь о судьбе русского бизнесмена.

– Витков был состоятельным человеком? – спросил Нолин.

– Состоятельные люди не нанимаются на работу, – рассудительно ответил Банщиков. – Пусть даже генеральными директорами фирм. Они сами владеют фирмами.

Так оно и есть. Учредители почти всегда прячутся за спинами номинальных руководителей и главных бухгалтеров. Обтяпывают свои делишки, прокручивают махинации, сплавляют доходы в зарубежные банки. Витков был далеко не молод и не глуп, так что не мог не понимать своей роли в компании. Собственного капитала он сколотить не сподобился, а старость была не за горами. Согласился бы он спрятаться за солидное вознаграждение? Вопрос. Человек старой закваски, дисциплинированный и педантичный, покупается не так легко, как свободные от принципов представители молодого поколения. В послужном списке Виткова должность главного инженера крупного оборонного завода СССР, за что его и взяли в «Щит и меч». Как любой нормальный человек, он любит деньги, но они для него не все. Есть еще власть, престиж, профессиональная гордость, самоуважение, наконец. Судя по характеристикам Виткова, самоуважение у него сохранялось даже в лихие перестроечные времена.

И все же Нолин не отбрасывал версию банального подкупа.

– Александр Борисович при вас не звонил в турагент-

ство? – спросил он.

– Зачем? – удивился Банщиков.

– Не планировал ли он съездить на экскурсию?

– Он не казался мне любознательным человеком. Специалист узкого профиля и, я бы сказал, ограниченных интересов. Мы с сотрудниками предлагали организовать совместную поездку на остров Иль-де-Гори. Это совсем рядом...

– Что вы собирались делать на острове?

– Как что? – Банщиков широко открыл глаза. – Осмотреть памятники, сходить в Морской музей, на рынок. Он ничем не уступает столичному.

– Музей?

– Рынок.

– Александр Борисович, разумеется, отказался?

– Об этом я и толкую.

– Правильно сделал, – заключил Нолин.

Банщиков захлопал глазами:

– Э-э... почему?

– Полагаю, африканский базар еще похлеще восточного. Толкотня, гам, попрошайки, карманники.

– Зато там есть отличные сувениры.

Решив не тратить время на втолковывание прописных истин, Нолин задал следующий вопрос:

– Не интересовался ли Витков расписанием авиарейсов?

– Понимаю, к чему вы клоните, – сказал Банщиков. – Но бежать Виткову было некуда и незачем. Учредители его це-

нили, он получал хорошую зарплату и любил свое дело.

– Тогда похищение? – принялся размышлять вслух Нолин. – Убийство? Несчастный случай?

– Мы регулярно обзваниваем все больницы. И морги тоже обзваниваем. Никаких обнадеживающих сведений.

– *Обнадеживающих? Из морга?*

– Простите. – Банщиков порозовел. – Ляпнул, не подумав. Я хотел сказать: никаких сведений об Александре Борисовиче. Ни о живом, ни о мертвом.

– С кем он общался чаще всего?

– Со всеми общался. Но в основном по работе. Я один из немногих, с кем он мог обсудить политические новости или футбольный матч. Удовольствия мне это не доставляло. Александр Борисович не самый приятный собеседник. Тяжелый характер, неуживчивый. Чужого мнения не признает, только свое. Что решил, то и сделал. – Банщиков насутился. – Однажды я опоздал на десять минут, так он у меня пятьдесят баксов из зарплаты вычел, представляете?

Отчего же не представить? Нолин до малейших деталей помнил портрет Виткова. С фотографий, приобщенных к делу, смотрел угрюмый пожилой мужчина с запавшими глазами и выдающимся вперед подбородком. Челюсти – такими в пору гвозди перекусывать. Прическа – седая щетка, стоящая торчком. Воли и решительности не занимать. Физической силы – тоже. Последнюю нужно было куда-то расходовать. Когда мужчине за пятьдесят и он не страдает простати-

том, то откажет ли он себе в удовольствии слегка разрядиться в женском обществе?

– Услугами проституток Витков пользовался? – спросил Нолин.

– Нет, насколько мне известно, – сказал Банщиков. – Я уже говорил.

– Любовница?

– Вряд ли.

– Сколько женщин в штате вашей фирмы?

– Мы выехали в Сенегал не полным составом, – принял-ся пояснять Банщиков. – Только специалисты, принимавшие непосредственное участие в подготовке контракта. Витков, я, два технаря, два юриста, один компьютерный гений, секретарша, переводчица...

– Значит, две женщины.

– Секретарша – моя жена, – заявил Банщиков с вызовом.

– Но вы не двоеженец, полагаю? – осведомился Нолин. – Что насчет переводчицы?

– Такие девушки со старперами не спят, Юрий Викторович.

– Если мы станем верить всему, что рассказывают нам девушки, то мы далеко не уедем, Петр Семенович. Мораль нынче не в ходу. Невинность не в моде. Лучшие друзья девушек – бриллианты.

– Витков не из тех людей, что способны делать дорогие подарки. К тому же...

– Ну? – подзадорил Нолин Банщикова.

– Каморникова Виткову не только не по карману, но и не по зубам. Она настоящая красавица. – Банщиков испустил вздох. – Сексапильная барышня, как сейчас говорят.

– Каморникова – это переводчица? – уточнил Нолин.

– Совершенно верно. Двадцать пять лет, не замужем, свободно владеет тремя иностранными языками, а уж фигура! А внешность!

– Наверное, получает огромные деньги за свои способности и внешние данные, а?

Неприкрытый сарказм озадачил Банщикова.

– Да нет. Оклад Каморниковой в пределах разумного.

– И она предпочитает трудиться переводчицей, вместо того чтобы увиваться на презентациях или в модельных агентствах? – Нолин недоверчиво хмыкнул. – Либо она не столь хороша собой, либо имеет побочные доходы, либо еще какие-нибудь тайные мотивы, о которых мы пока не подозреваем. Как ее зовут?

– Жанна...

– Жанну часто видели в обществе Виткова? В нерабочее время?

– Я, – Банщиков сделал нажим на личное местоимение, – я – не видел.

– Неплохо бы с ней познакомиться, – задумчиво пробормотал Нолин, потирая подбородок.

– Нет ничего проще. Она ежедневно бывает на работе.

– Тогда последний вопрос на сегодня...

– Слушаю?

– Витков выпивал?

– Нет.

– Совсем?

– Александр Борисович не пил и не курил, – произнес Банщиков таким тоном, как если бы был наркологом, хвастающимся своими успехами.

А Нолин едва удержался от желания покоситься на пачку «Кента», оставленную на тумбочке.

Кем оставленную?

– Что ж, – сказал он, направляясь к двери, – остается только надеяться, что отказ от вредных привычек поможет Виткову пребывать в добром здравии до глубокой старости.

Банщиков, не зная, как реагировать на реплику, сперва криво усмехнулся, а потом озабоченно нахмурился. В таком неопределенном состоянии Нолин и выпроводил его из комнаты, пожелав спокойной ночи и приятных снов. Протесты Банщикова, твердящего, что он готов сопровождать гостя хоть до утра, во внимание приняты не были. Нолин пообещал вернуть ключ завтра и вежливо, но твердо порекомендовал Банщикову отправляться на боковую.

Ему не давала покоя сигаретная пачка. Как выяснилось чуть позднее, совсем не напрасно.

Оставшись один, Нолин произвел повторный осмотр комнаты, чуть более тщательный. К «Кенту» и зажигалке он пока не притрагивался, опасаясь спугнуть удачу.

После беседы с Банщиковым версия о бегстве Виткова отпала окончательно. К тому же на телефон пришло SMS-сообщение, гласившее: «Погода испортилась. Остаемся дома». Это означало, что пропавший без вести директор не покидал Сенегал ни по земле, ни по воздуху, ни даже морскими путями. Во всяком случае, самостоятельно и под своей фамилией.

Где же он находится сейчас? Кто видел его последним, кто заметил что-то необычное в его поведении? С кем он встречался и где? Кого посвящал в свои планы?

Марго утверждает, будто бы Витков нервничал, разговаривая по телефону перед отъездом. Но мало ли почему человек может нервничать. И мало ли что померещится женщине. Если женщина эта не подбросила зацепку умышленно. Кто такая эта Марго? Надо бы выяснить. Нолин достал из кармана мобильный телефон, намереваясь отправить соответствующий запрос, но передумал. Успеется. Сегодняшнюю ночь разумнее посвятить практике, а не теории.

Нолин приблизился к тумбочке и склонился над зажигалкой. Странная штука. Мало того, что она совершенно

неуместна в комнате некурящего человека, так вдобавок еще великовата и тяжеловата для ношения в кармане. Причуда? Памятный сувенир? Дань ностальгии? Символ протеста против дешевых пластиковых безделушек? Или что-то другое?

В Управлении СВР существовал целый музей, в котором были представлены разнообразнейшие виды оружия, применяемого в тайной войне разведок. Чего там только не было! На какие только уловки не пускались спецслужбы, оснащая своих агентов! Конечно, можно, не мудрствуя лукаво, просто спрятать пистолет под одежду, но в критической ситуации не каждый способен молниеносно выхватить оружие и столь же молниеносно пустить его в ход. А ведь существуют еще обыски, металлодетекторы, противники, умеющие обращаться с оружием не хуже, а то и лучше. Исходя из этого, конструкторы издавна начали маскировать средства защиты и нападения под невинные бытовые предметы. Какие? Да какие угодно, лишь бы они выглядели естественно и не вызывали подозрения.

Это может быть бейсболка, козырек которой представляет собой остро заточенную металлическую пластину, обтянутую тканью. Или «перчатка Хейгта», один палец которой представляет собой ствол для одноразового выстрела, а тыльная сторона ладони скрывает смертоносный шип, срабатывающий при дружеском похлопывании по плечу. Или специальный мобильный телефон, действующий по принципу шокера.

Бывают стреляющие книги, спусковое устройство которых выполнено в виде закладки. Трости с выдвижными клинками, стволами и перекатывающимися внутри металлическими шарами, обладающими при ударе сокрушительной силой, способной проломить череп слону. Не отказались разведки и от применения зонтов, хотя спрос на них значительно снизился после скандального убийства болгарского диссидента. Зато в ходу пуленепробиваемые и стреляющие плащи, коварно посылающие пули из рукавов, из-под полы, даже из пряжек поясов. А также пальто и куртки, реагирующие на команду «Руки вверх!». Стоит обладателю принять классическую позу задержанного, как лезвие разрезает ткань, из дыры высовывается ствол и выплевывает заряд картечи, косящей всех, кто стоит напротив.

По-прежнему в моде пресловутый «шпионский каблук». В каблуках могут скрываться метательные сюрикены, отравленные стилеты, одноразовые пистолеты и даже мины направленного действия, по типу российской МОН-50 или американской «Клеймор-бэби». Специфика применения такой обуви заключается в том, что носить ее соглашаются только смертники. При взрыве кости ноги входят в грудную клетку террориста, так что умирает он одновременно с врагом.

Уж лучше опоясаться огнестрельным ремнем, галстуком-удавкой или перстнем «Голдфингер», стреляющим ядовитыми иглами. Удобно иметь под рукой стреляющую ав-

торучку или цанговый карандаш-пистолет. А то и вовсе заявиться в логово врага с кейсом-пулеметом «хеклер унд кох». Весит он семь килограммов, держать его при стрельбе приходится обеими руками, дальностью и точностью попадания он не отличается, но все эти недостатки окупаются внезапностью применения. Если же стрельба ведется бесшумно, то чудо-портфелю вообще цены нет.

Даже такая крохотуля, как зажигалка, способна послать пулю беззвучно. Для этого используют патрон СП-4, который сам по себе является пистолетом. Однако Нолин держал в руке плоскую зажигалку, в корпусе которой толстую гильзу не спрячешь. Тогда, может быть, что-то другое? Нужно проверить...

В кармане Нолина имелся футляр со всякой всячиной, полезной для исследований подобного рода. В частности, перочинный нож с миниатюрной отверткой и липкие нашлепки на кончики пальцев, чтобы не оставлять отпечатков. Развинтить футляр было делом нескольких секунд. Сделав это, Нолин поколдовал над механизмом и застыл в изумлении. Попадались ему разные зажигалки, но эта была поистине уникальной. В емкость для бензина была вмонтирована крошечная капсула с неизвестной жидкостью. Впрочем, вариантов отгадки насчитывалось всего две. Жидкость предназначалась либо для усыпления, либо для умерщвления. Впрыскивание производилось посредством тонкой полой иглы, высовывающейся при двойном нажатии на клавишу зажигал-

ки. Причем делать это нужно было быстро и без паузы – в противном случае игла оставалась внутри корпуса.

Если не принимать в расчет такую мелочь, как капсула с отравляющим веществом, то зажигалка функционировала нормально. Прикуривай сколько душе угодно и медленно убивай себя никотином. А для нетерпеливых имеется специальная игла.

Нолин почесал переносицу, как поступал всегда в минуты задумчивости.

Сам факт присутствия коварной начинки его не поразила. Курительные принадлежности всегда считались весьма удобными для маскировки смертоносных предметов. Давняя и крайне недобрая шпионская традиция. Непосвященный ни за что не заподозрит опасности при виде извлекаемых из карманов сигарет, сигар, курительных трубок, спичечных коробков и зажигалок. А потом легким движением руки трубка превращается в кинжал, сигарета стреляет, портсигар взрывается, а из спичечного коробка выдвигаются контакты, производящие высоковольтный разряд.

А еще в арсенале СВР России имелись зажигалки, снабженные спусковым устройством. Заряжались они одной-единственной мелкокалиберной пулей и предназначались для выстрела в упор. Был даже случай, когда нечаянно застрелился сотрудник разведки, машинально сдвинув особый рычажок.

Конструкция зажигалки, обнаруженной в комнате Витко-

ва, исключала несчастный случай. Иголлка была короче сигареты, так что уколоть себя во время прикуривания было невозможно. Зато собеседника – запросто. Не получил ли подобный укол Витков? Или зажигалка принадлежала ему, а сигареты оправдывали ее наличие? Но это означало бы, что директор «Щита и меча» был опытным профессионалом, способным на хладнокровное убийство. Если так, то разве забыл бы он оружие, уезжая из пансиона? Нет. И он бы непременно закуривал время от времени, чтобы зажигалка в его руках не привлекала внимания.

Выходит, ее «забыли» умышленно? Не бесспорно, но вероятно, очень даже вероятно.

Взвесив все «за» и «против», Нолин собрал зажигалку и положил ее на место. Утро вечера мудренее, а если и нет, то спать все равно хочется.

Заперев дверь, Нолин спустился к себе, рухнул на постель и уснул как убитый. Тем не менее он был все еще жив.

В режиме поиска

1

Разбудило Нолина не птичье щебетанье, не солнышко, а жажда и головная боль. При мысли о том, что для него начинается новый рабочий день, ломота в висках усилилась. Он сел на кровати, растер онемевшее лицо и отправился в ванную комнату. Покончив с водными процедурами, он занялся бритьем, стараясь не приглядываться к своему зеркальному отражению. Глаза были по-кроличьи розовые, а под ними набрякли мешки. Примявшаяся шевелюра упорно не желала укладываться в аккуратную прическу.

Сорокалетие – это тот рубеж, за которым мужчина может оставаться моложавым, но никак не молодым. Организм вроде бы функционирует нормально, болячек нет, потенция и аппетит в норме, волосы и зубы на месте, силенок хватает. Однако недосыпание мгновенно отражается на облике, сколько ни приводи себя в порядок. Как в той анекдотической притче, которую любил рассказывать нолинский начальник. В двадцать лет ты можешь гулять ночь напролет, а утром по тебе никто ничего не заметит. В тридцать лет ты продолжаешь куролесить, но на следующий день твоя осунувшаяся физиономия выдает тебя с головой. Зато после со-

рока ты мирно почиваешь в кровати, а поутру выглядишь так, словно не успел проспать после кошмарной попойки.

Ладно. Постепенно придем в норму. Время калечит, но оно же и лечит...

Отжимаясь от пола, Нолин составил план ближайших действий. Навести справки в полиции, раз. Навестись в офис «Щита и меча», два. Переговорить с Жанной Каморниковой, три. Дальнейшее по обстоятельствам.

Как они сложатся?

Занятый мыслями, невыспавшийся, Нолин упустил из виду, что сотрудников проштрафившейся компании он увидит за завтраком. Не только Витков проживал в пансионе. Подчиненных разместили здесь же. Нолин сообразил это, когда спустился в холл и услышал голоса, доносящиеся из столовой.

Мадам Марго находилась на своем наблюдательном посту, давая распоряжения сухопарой женщине в переднике и наколке. И то, и другое сидело на женщине криво. Это была явно Жасмина, обладательница очаровательного имени и усиков под длинным носом.

Дождавшись, пока Марго удостоит его взгляда, Нолин поздоровался. Пока он делал зарядку и одевался, следы бессонной ночи исчезли, и теперь он вновь являл собой тип довольно-таки легкомысленного мужчины, предпочитающего самый скучный отдых любой увлекательной работе. В ответ на его приветствие Марго встала и выразила желание лич-

но сопровождать гостя в столовую. Нолин воспринял это как должное. В солидных гостиницах принято закреплять за постояльцами постоянное место. Очень разумно. Джентльмены не устроят потасовку из-за перечницы, а их леди не окажутся за одним столом в критические дни.

Столов, кстати говоря, помещалось в комнате пять штук, и все они были накрыты белоснежными скатертями, сверкающими в солнечных лучах. Правда, при ближайшем рассмотрении выяснилось, что это всего лишь клеенки, однако запах пищи в столовой царил натуральный. Аппетитный и ароматный.

Десять пар глаз, уставившихся на Нолина, не заставили его ни расплыться в улыбке, ни смутиться. Отвесив общий полупоклон, он пожелал присутствующим приятного аппетита, равнодушно взглянул на Банщикова и занял место возле окна, куда подвела его Марго. Соседями Нолина оказались молодые клерки, худые, прожорливые и подвижные, как пара борзых. Алекс и Макс, так они фамильярно представились. Нолину тут же захотелось назваться Юрасиком, и, настраиваясь на серьезный лад, он нахмурился. Хотя, возможно, это было вызвано появлением оладий, которые Нолин терпеть не мог.

Начав разговор с погоды, он выяснил, что здешний климат вполне подходящий, удовлетворенно кивнул и напрямик спросил, когда молодые люди в последний раз видели своего непосредственного руководителя.

– Александра Борисовича? – уточнил Алекс.

– Александра Борисовича, – кивнул Нолин.

– В четверг вечером мы его видели, – сообщил Макс, азартно поедая олады.

Неужели такие вкусные?

Нолин поддел поджаристую лепешку вилкой, окунул ее в джем и отправил в рот. Ноздреватое тесто жевалось, как резина. Джем был чересчур приторным. Нолин пронзил вто-

рую оладью и перевернул ее, словно надеясь обнаружить на обратной стороне что-нибудь любопытное. Он не спешил с наводящими вопросами. Ему хотелось проверить, насколько словоохотливы подчиненные Виткова. Молва о цели его визита, несомненно, облетела сотрудников фирмы. Находясь в подвешенном состоянии, они нервничают и желают отгородиться от подозрений. Будучи замешанными в преступление или непричастными к нему.

– Около половины восьмого, – подхватил эстафету Алекс, смекнувший, что отмалчиваться не слишком разумно. – После работы, в гостинице.

– Он выходил из комнаты, – сказал Макс. – Это на нашем этаже.

– Вот как? – произнес Нолин и задумчиво повторил: – *На вашем этаже, значит.*

После этого Макс и Алекс заговорили, перебивая друг друга. Молодые ребята, хорошо ориентирующиеся в современной жизни, они отдавали себе отчет в том, какие последствия может повлечь за собой срыв сделки. Им вовсе не хотелось оказаться в роли незадачливых стрелочников или козлов отпущения. Они не понаслышке знали, что такое «попасть на бабки». В стремлении оградить себя от подозрений парни не умолкали ни на секунду.

– Мы в ресторане решили поужинать...

– В Дакаре...

– Выходим, а Александр Борисович по коридору идет...

– Я еще хотел спросить, долго ли нам еще здесь торчать...

– Но он так на нас зыркнул, что все вопросы сами собой отпали...

– Он нес что-нибудь? – спросил Нолин, отпив кофе.

– Ноутбук, – сказал Макс. – Комп портативный.

– И папку, – добавил Алекс.

– Описать можете?

– Ноутбук?

– Папку, – сказал Нолин.

– Кожаная, – стал вспоминать Алекс. – Толстая. С золотым замочком.

– Он папку под мышкой держал, а ноутбук нес в руке, – поделился своими наблюдениями Макс.

– Та самая папка, в которой хранились оригиналы документов? – спросил Нолин.

– Очень может быть. Но мы внутрь не заглядывали...

– Любопытной Варваре нос оторвали...

– Вместе с головой, – буркнул Нолин.

– Как вы сказали?

– С головой, – сказал Макс Алексу.

Они заметно помрачнели. Нолин рассеянно вертел чашку с кофейной гущей на дне. Гадание получалось мало обнадеживающим. По словам парней, Витков собственноручно выносил из номера всю бумажную и электронную документацию, необходимую для заключения сделки. Куда он вез ее на ночь глядя? В офис? Не похоже. Если бы у Виткова было

желание поработать в кабинете, он не стал бы тратить время на поездку в пансион. Или он решил сэкономить на ужине?

– Александр Борисович всегда питался здесь? – спросил Нолин.

– Утром и вечером, – ответил Алекс. – Днем мы обычно заказывали пиццу или гамбургеры.

– Он легко тратил деньги? Или был прижимистым?

– О начальстве, как о покойниках, – изрек Макс, – или говорят хорошо, или вообще ничего не говорят. Но с вами я буду откровенным.

– Окажите такую любезность, – кивнул Нолин.

– Наш директор был еще тот скупердяй.

– Скруджд отдыхает, – вставил Алекс, выросший на диснеевских мультиках восьмидесятых.

– То есть, – уточнил Нолин, – Витков мог приехать в пансион, чтобы поужинать, а потом вернуться в Дакар?

– В принципе, да, – согласился Макс. – Бензин-то за счет фирмы, а чек в ресторане нужно оплачивать из собственного кармана. Но...

На помощь замаявшемуся товарищу пришел Алекс.

– Но зачем бы Александр Борисович стал мотаться туда-сюда, если документы всегда под рукой? – воскликнул он. – Видите ли, ноутбук, подключенный к Интернету, дает возможность...

– Я в курсе, – оборвал разглагольствования Нолин. – Мне известно, что представляет собой ноутбук. Вы не поверите,

но и о существовании мобильной связи я тоже знаю. – Припомнив рассказ Марго, Нолин поинтересовался: – Кстати, выходя из номера, Витков разговаривал по мобильнику?

– Мобильника мы не видели, – переглянулись молодые люди.

– В каком направлении ушел Витков?

Нолин умышленно употребил слово «ушел», а не «уехал». Люди попадают на мелочах. Взявшись лгать по-крупному, они забывают состыковать незначительные детали. Хотя Макс с Алексом говорили как по писаному:

– Уехал он, а не ушел.

– В Дакар, должно быть.

«Название столицы успело навязнуть у меня в зубах до такой степени, – подумал Нолин, – что я буду вздрагивать всякий раз, когда услышу про гонки Дакар—Париж».

Он отставил чашку и, вытирая губы салфеткой, равнодушно поинтересовался:

– С Каморниковой уехал Витков? – Нолин обвел взглядом столовую, где не было ни одной особы, подходящей под определение «сексапильная красавица». – Или Жанна ждала его в городе?

– Э-э... – протянул Алекс и посмотрел на приятеля, как бы ища у того поддержки.

– Зачем? – спросил тот.

– Рассказать вам, зачем встречаются мужчины и женщины?

– Да вообще-то не обязательно.

– Рад слышать, – сказал Нолин. – Так что насчет Виткова и Каморниковой? Они встречались в нерабочей обстановке?

– Нас это не касается, – заявил Макс. – Никаким боком.

Однако же отрицать саму возможность свидания он не стал. Отметив эту любопытную подробность про себя, Нолин продолжил викторину:

– Куда, по-вашему, делся Александр Борисович?

– Похитили его, – буркнул Алекс.

Макс добавил:

– Ежу понятно.

Нолин внимательно посмотрел на него:

– Вы зоологи?

На этот раз пришел черед Макса мяться и тянуть бессмысленное «э-э».

– Очевидный факт, – пришел на выручку Алекс.

– Откуда такая уверенность? – полюбопытствовал Нолин.

– Так четыре дня прошло! Если бы Виткова где-нибудь не прятали, то он непременно нашелся бы.

– А вдруг он прячется по собственной воле?

Парни опешили:

– Это как?

– Скрывается, – пояснил Нолин.

– От кого?

– От всех.

– С какой целью?

– Цели разные бывают. Причины – тоже.

Парни в очередной раз переглянулись и синхронно пожали плечами. Узнав от них, что Жанна Каморникова, оказывается, проживает не в пансионе, а почему-то в Дакаре, Нолин скучно кивнул и попрощался.

Алекс с Максом устремились к выходу, словно их отпустили на свободу после настоящего допроса с пристрастием. Подняв взгляд, Нолин обнаружил, что столовая опустела. Сотрудники фирмы спешили в офис, где у них не было никаких важных дел. Тем не менее засиживаться за завтраком под надзором администрации означало проявить недисциплинированность. Зато сама администрация в лице Банщикова никуда не торопилась. Отпустив жену, он ожидал Нолина у двери.

Сегодня Банщиков выглядел уравновешеннее, чем вчера. Нервозность во взгляде сохранилась, но суетился он меньше и старался пореже менять положение рук. А стекла его очков сверкали, как два миниатюрных прожектора. Всю ночь протирал их, обдумывая ситуацию?

– Я в вашем распоряжении, – сказал он Нолину. – Утром позвонила госпожа Кузина и в очередной раз распорядилась оказывать вам всяческое содействие. – Банщиков слегка изменил тон, давая понять, как дорожит высоким доверием владелицы фирмы, отсиживающейся в Москве. – Если вам что-то нужно, обращайтесь без смущения.

– А я и не смущаюсь, – заверил Банщикова Нолин. – Мне нужна ваша машина, Петр Семенович.

– Хотите смотаться в Дакар?

Опять этот Дакар!

– Мотаются голые по бане, Петр Семенович. Я предпочитаю *ездить*. И не в общественном транспорте.

Отчеканив эту тираду, Нолин растянул губы в улыбке, сохраняя холодное выражение глаз. Дистанция, дистанция и еще раз дистанция. С некоторыми людьми лучше не миндальничать, иначе их потом не поставишь на место.

Однако Банщиков оказался настырнее, чем предполагалось.

– Почему бы вам не воспользоваться услугами личного шофера, хе-хе, – воскликнул он с фальшивым энтузиазмом.

– Кто здесь шофер? – любопытствовал Нолин.

– Ваш покорный слуга.

Такой ли уж покорный?

– Гм. – Короткое междометие было преисполнено сомнения.

– Так будет удобнее, – заторопился Банщиков.

– Правда? – спросил Нолин с наикислейшей из всех известных ему улыбок.

– Конечно! Ведь я знаю дороги.

Это становилось любопытным. Следует ли исполнительный директор инструкциям, полученным из Москвы? Или по каким-то причинам не желает оставлять гостя без присмотра?

– Уговорили, – кивнул Нолин.

– Вот и чудненько! – просиял Банщиков.

– Но вам придется подождать.

– Хотите подняться в номер?

– Нет, – возразил Нолин. – Хочу поговорить с Марго и ее слугами.

– Но это отнимет много времени.

– У вас или у меня?

– Хе-хе, – засмеялся Банщиков. Так реагируют на подначки люди, стремящиеся прослыть необидчивыми и ценящими чувство юмора у других.

– Своим временем я привык распоряжаться сам, – произнес Нолин. – А вы вызвались посвятить свое время мне. Я ничего не путаю?

– Нет.

– В таком случае до скорого, Петр Семенович.

– Но, Юрий Викторович, я... – открыл рот Банщиков.

– Вы побудете возле машины, раз уж взялись исполнять обязанности шофера. – Это была шутка, но шутка не из приятных. Тем более что Нолин не замедлил добавить: – А в услугах переводчика я не нуждаюсь.

Ну что, уважаемый Петр Семенович, съел? Самое время надуться, замкнуться и смертельно обидеться на приезжего наглеца. Но Банщиков предпочел не обострять отношения. Развел своими длинными руками, осклабился и оставил Нолина в покое. Что было уже не просто любопытно, а подозрительно.

Мадам Марго не стояла за стойкой, а сидела в своем кабинете, заполняя какие-то бланки. Судя по наличию дивана, шкафа и холодильника, по ночам кабинет превращался в спальню. Экономная женщина. Даже бухгалтерией занимается собственноручно. А чем еще занимается? Вот в чем вопрос.

– Не могли бы вы уделить мне несколько минут вашего драгоценного времени? – церемонно произнес Нолин.

Его голова находилась внутри, тогда как все остальное оставалось за порогом. Поза смиренного просителя или робкого вздыхателя. Смена линии поведения – залог успеха. Пока женщина не очень понимает, с кем имеет дело, ее снедает любопытство, а это чувство будет сильнее инстинкта самосохранения.

В черных зрачках Марго сверкнули искорки интереса.

– Прошу. – Она указала на кресло в углу.

Неопределенно улыбаясь, Нолин подошел к креслу. Оно оказалось чересчур мягким и низким для беседы на равных. Опустившись в него, Нолин почувствовал себя комнатным мопсом на подушечке. Мопсом, вынужденным смотреть на хозяйку снизу вверх.

Крутящееся кресло Марго было значительно выше, чем то, которое предназначалось для посетителей. А покррой пла-

тъя и конструкция письменного стола не позволяли прятать ноги от любопытных взоров. Или давали возможность выставлять их напоказ?

– Понравилось? – спросила Марго.

Умения провоцировать мужчин ей было не занимать.

– Да, очень уютно, – сказал Нолин. – И завтрак вкусный. Спасибо.

– Выпьете что-нибудь?

– Нет, благодарю.

– Сок баобаба, – решила Марго, пропустив ответ мимо ушей.

Она сходила к холодильнику, и очень скоро в руках Нолина оказался запотевший стакан с рубиновым напитком, мерцающим на солнце. Жалюзи в комнате были опущены, но решетки развернуты так, чтобы пропускать дневной свет. По этой причине все здесь было в полосочку. Включая ноги Марго с предусмотрительно сдвинутыми коленями. Казалось, что на ней чулки, раскрашенные под зебру.

Приятная женщина, подумал Нолин. Но во всех ли отношениях? Когда она хмурит брови, это получается у нее очень впечатляюще и очень привычно.

– Замечательный сок, – облизнулся Нолин, отставляя пустой стакан. – Прямо как каркаде. Правда, я терпеть не могу каркаде.

– Вот как? – огорчилась Марго. – Что ж, в следующий раз угощу вас чем-нибудь покрепче. – Она скопировала загадоч-

ную улыбку Джоконды. – Вы ведь к нам надолго? Много дел, верно?

Нолин покачал головой таким образом, чтобы это не означало ни «да», ни «нет».

– Надеюсь, что много, – произнесла Марго, растягивая губы в многозначительной улыбке.

Она откровенно флиртowała, и это было странно. Нолин не был красавцем, не сорил деньгами направо и налево, не обладал собственной киностудией и даже личным автомобилем. Чего добивалась от него эта привлекательная женщина с пронизательными черными глазами? Чем так заинтриговал ее Нолин и какое ей дело до целей и сроков его пребывания? Разумеется, он сам приложил определенные усилия для того, чтобы увлечь Марго, но что-то уж больно быстро она начала оказывать ответные знаки внимания. Что-то тут было нечисто. Такие женщины без боя не сдаются.

Нолин решил не поддаваться на провокацию. Не опуская взгляда ниже демаркационной линии, проходящей по крышке письменного стола, он спросил:

– Вы в курсе отношений господина Виткова с сотрудниками? С *сотрудницами*, я хотел сказать.

– Щепетильная тема, – усмехнулась Марго.

У нее получилось: «щепьетильная».

– Весьма банальная тема, – не согласился Нолин. – Витков водил к себе женщин?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.